

ОЧЕРКИ О П.Л. ЛАВРОВЕ

Представленные материалы подготовлены П.Г. Щедровицким в рамках проекта «Философия России XX века». Они служат для ознакомления с творчеством философа и для популяризации его работ. Еще одной задачей является сбор редких сведений о мыслителе и анализ малоизвестных тем его творчества.

Все материалы опубликованы на официальной странице П.Г. Щедровицкого в фейсбуке: <https://www.facebook.com/petr.shchedrovitskiy>

А также на официальной странице проекта ВКонтакте: <https://vk.com/rusphilosophy>

В конце каждого очерка дается ссылка на соответствующий пост в фейсбуке, где, ко всему прочему, часто можно найти дискуссии по теме.

При цитировании или использовании материала упоминание источника обязательно. Все права защищены ©

Официальная страница проекта «Философия России XX века»: <https://shchedrovitskiy.com/>

Вводный очерк.....	4
Очерк философии. Ч. 1.	6
Очерк философии. Ч. 2.	9
Достоинство эгоистической личности.....	12
Милосердие.....	15
Понимание философии в разных странах	18
Философия в творчестве.....	21
Философия в жизни.....	24
Прогресс	27
Критика, вера и деятельность	30
Цель изучения истории.....	33
Парижская коммуна.....	36
Социализм и борьба за существование.....	39
Учение о социализме	42
Влияние на народничество.....	45
Поздний период творчества	48
Россия и Запад. Ч. 1.....	50
Россия и Запад. Ч. 2.....	53
Эволюция взглядов на религию. Ч. 1.....	56
Эволюция взглядов на религию. Ч. 2.....	59
Философия религии	62
Христианский идеал перед судом социализма	65
Автобиография. Ч. 1.....	68
Автобиография. Ч. 2.....	71
Воспоминания о Лаврове	74

ВВОДНЫЙ ОЧЕРК

«Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощение в общественных формах истины и справедливости — вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом»

П.Л. Лавров

Петр Лаврович Лавров родился 2 июня 1823 в село Мелихово Псковской губернии в семье потомственных дворян. Получив домашнее образование, поступил в Петербургское артиллерийское училище, где считался лучшим учеником М. Остроградского, академика военных наук. После окончания училища в 1842 был оставлен при нем репетитором, затем преподавателем математики. В 1844–1846 преподавал математические предметы в военных учреждениях Петербурга.

В 1860 году вышла в свет его первая книга «Очерки вопросов практической философии». Лавров полагал, что нравственная личность неизбежно вступает в конфликт с несправедливым обществом. Идеальным обществом по отношению к личности может быть строй, основанный на добровольном союзе свободных и нравственных людей.

В 1860-х годах принимал деятельное участие в литературе и общественной работе и в студенческом движении, сблизился с Н. Г. Чернышевским, входил в состав первой «Земли и воли». После покушения Д. В. Каракозова на Александра II был арестован, признан виновным в «распространении вредных идей», «сочувствии и близости к людям, известным правительству своим вредным направлением» (Чернышевскому, Михайлову и профессору П. В. Павлову), и в январе 1867 года приговорен к ссылке в Вологодскую губернию (Тотьма, Вологда, Кадников), где жил с 1867 по 1870 года. В Тотьме он познакомился с А. П. Чаплицкой, полячкой по национальности, арестованной за участие в Польском восстании 1863—1864 годов, ставшей его гражданской женой (ум. в 1872).

В ссылке Лавровым было написано самое известное его произведение — «Исторические письма». В «Исторических письмах» содержался призыв к «критически мыслящим» и «энергически стремящимся к правде личностям», прежде всего молодым, проснуться, понять задачи исторического момента, потребности народа, помочь ему осознать свою силу и вместе с ним приступить к творению истории, к борьбе против старого мира, погрязшего во лжи и несправедливости. «Исторические письма», будучи социально-политическим произведением, вышли, когда революционная интеллигенция, особенно молодежь, искала новые возможности приложения своих сил для участия в освобождении народа: надежды Н. Г. Чернышевского на народное восстание после отмены крепостного права не оправдались; «теория реализма» Д. И. Писарева с её культом естествознания не обещала скорых результатов; заговорщическая деятельность «Народной расправы» С. Г. Нечаева была использована правительством для дискредитации «нигилистов». Поэтому в обстановке конца 1860-х — начала 1870-х гг. это произведение Лаврова стало «ударом грома», одним из идейных побудителей для практической деятельности революционных интеллигентов.

В 1870 году при помощи Г. А. Лопатина бежал в Париж, где связался с западноевропейским рабочим движением и вступил в Первый интернационал. В целях организации помощи осажденной Парижской коммуне ездил в Лондон, где познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом. В 1873—1877 годах редактирует журнал «Вперёд» и одноименную двухнедельную газету (1875—1876) — органы возглавлявшегося Лавровым направления русского народничества, так называемого «лавризма». После убийства Александра II сближается с народолюбцами и в 1883—1886 годах редактирует вместе с Л. А. Тихомировым «Вестник Народной воли».

В июле 1889 году на конгрессе Второго интернационала партия Гнчак уполномочила в качестве своего представителя революционера П. Лаврова.

Последние годы жизни Лавров, не порывая связей с революционным движением (редактировал «Материалы для истории русского социально-революционного движения»), посвятил написанию теоретических трудов по истории человеческой мысли: «Задачи понимания истории» и «Важнейшие моменты в истории мысли». В его наследии, не до конца выявленном (известны 825 произведений, 711 писем; раскрыто около 60 псевдонимов), — статьи в русской легальной печати, политические стихотворения, в том числе широко известная «Новая песня» (текст опубликован в газете «Вперёд!», 1875, № 12 от 1 июля), получившая позднее название «Рабочая Марсельеза» («Отречёмся от старого мира...»), которую А. А. Блок называл среди «прескверных стихов, корнями вросших в русское сердце... не вырвешь иначе, как с кровью...».

Лавров умер в Париже; похоронен на кладбище Монпарнас. Его последние слова: «Зовёт... живите хорошо. Кончается... кончилась моя жизнь».

Основные работы:

«Гегелизм» (1858)

«Очерки вопросов практической философии: личность» (1860)

«Три беседы о современном значении философии» (1861)

«Механическая теория мира» (1859)

«Практическая философия Гегеля» (1859)

«Очерки вопросов практической философии» (1861)

«Опыт истории мысли Нового времени» (1898);

«Народники-пропагандисты 1873–1878» (опубликован посмертно в 1907)

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1104818446271718>

ОЧЕРК ФИЛОСОФИИ. Ч. 1.

«Философия есть понимание всего сущего, как единства, и воплощение этого понимания в художественных образах и нравственных действиях»

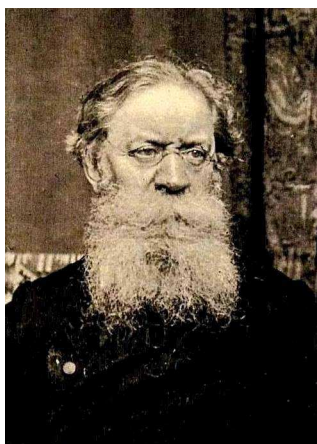
П.Л. Лавров

П.Л. Лавров известен как социальный теоретик и философ. В центре его философии лежит антропологическое учение, развитое с опорой на позитивистские идеи второй половины XIX века. Неплохое резюме его антропологических воззрений представлено В.В. Зеньковским в труде «История русской философии». Приводим выдержки оттуда:

«Лаврова никак нельзя считать эклектиком; то обстоятельство, что в его взглядах отразилось влияние Канта и позитивистов, Курно и Фейербаха, означает лишь широту его «критического реализма». Вообще исходное убеждение Лаврова определялось его верой в науку, его критицизмом, его отрицанием метафизики. Вся эпоха Лаврова жила теми же умонастроениями; Лавров без колебаний и сомнений присоединяется к тому духу секуляризма, которым был насыщен XIX-ый век. Эта основная секулярная установка оставалась у Лаврова до конца дней, - он остался верен своему критическому рационализму. Позитивизм (как искание истины лишь в пределах опыта), углубленный построениями Канта, Курно, предопределил всю работу мысли Лаврова и наложил свою печать на его духовные искания. Но была у Лаврова одна сфера, в которой он не знал границ или стеснений, в которой его внутренняя работа шла свободно, независимо от его теоретических построений, — это была сфера этики. Если можно сказать, что в Лаврове был настоящий пафос познания, критического исследования, то с не меньшей силой, с истинным вдохновением в нем пылал этический пафос. Это была натура исключительной преданности идеалу; справедливо было однажды сказано о нем, что «сознание нравственного долга сохраняло у него идеальную высоту религиозного культа до последней минуты жизни»...

У Лаврова с особенной ясностью выступает примат этики, — и отсюда, и только отсюда, надо выводить его антропологизм (в котором сам Лавров видел самую характерную черту его системы). В одной из самых ранних его философских статей — «Три беседы о современном значении философии» — это выступает с полной ясностью; другие статьи того же времени все построены в тех же тонах. «Философия, — читаем в одной из статей, - есть понимание всего сущего, как единства, и воплощение этого понимания в художественных образах и нравственных действиях». В этой формуле сразу ясно, что этическая (и эстетическая) сфера здесь ставятся рядом с познанием, как самостоятельная область духа. Мы увидим дальше, что этические мотивы в известном смысле предопределяют все основные построения Лаврова. Но сейчас подчеркнем, что ни гносеология, которой отводил Лавров первое место в системе философских изысканий, ни критическая история разума (что было излюбленной темой научных исследований Лаврова) не закрывали для него темы «воплощения» нравственных движений. Лавров поэтому считает основным и исходным понятие «цельного человека», что и определяет его «антропологизм». Эта идея «цельного человека» формально сближает Лаврова с Хомяковым, Киреевским, но у этих мыслителей она имеет совсем не тот смысл, что у Лаврова. Во всяком случае, Лавров рано сознает своеобразие этической жизни, сознает и то, что только наличие этического идеала освещает нам ход истории. В этой независимости этической сферы, неразложимой, невыводимой из «фактов», заключается «полупозитивизм» Лаврова...

Сам Лавров выразил исходную позицию философского антропологизма в следующих трех принципах: 1) действительность личного сознания, иначе говоря, «личный принцип действительности»; 2) принцип реализма: «все, что мы сознаем, не находя противоречия при этом сознании ни в самом понятии сознаваемого, ни в группировке вновь сознаваемого с прежним сознанием, и представляет нам реальное бытие», и 3) скептический (в отношении к метафизике) принцип: «процесс сознания (сам по себе) не дает возможности решить, есть ли он сам результат реального бытия, или реальное бытие есть его продукт». Но тут же Лавров делает характерное добавление: в практической философии (то есть в этике) «скептическое начало не имеет места». «Отсутствие скептического принципа в построении практической философии придает ей особую прочность и независимость от метафизических теорий... В этом выражается независимость личности... Личность сознает себя свободной, желающей для себя и ответственной перед собой. Это — личный принцип свободы».

Заметим тут же, что Лавров считает вопрос о свободе воли (в метафизической постановке) неразрешимым, но с тем большей силой утверждает он реальность сознания свободы. «Нельзя устранить в человеке, — говорит он, — явления самообязательности, суда над собой... Я исхожу из факта сознания свободы, факта создания идеалов и на основании этих фактов я строю связную систему нравственных процессов». В конечном итоге, после этого фундаментального добавления утверждению имманентизма в познании, вырастает имманентизм в этике. Этика сохраняет для Лаврова всю свою значимость независимо от вопроса о «метафизической» реальности свободы, — и это не есть плоский психологизм у Лаврова, а именно его антропологизм. Только весь человек в целом явлении его жизни — истинный предмет философии, утверждает Лавров; а в цельной жизни личности ее творчество, всегда имеющее какие-либо цели, занимает выдающееся место. Мы только что видели, что для Лаврова к сфере этики неприменим скептический принцип. И если человек «есть единство бытия и идеала», если в отношении к познанию нельзя забывать о «скептическом принципе», то в этом цельном единстве человека центр тяжести, очевидно, заключается именно в его этической сфере. «Философствовать, это — развивать в себе человека, как единое стройное существо», — говорит в одном месте Лавров, — и понятно, что прочным основанием такого развития является наличность морального сознания, способность загораться идеалом и, в соответствии с ним, направлять свою деятельность.

Антропологизм Лаврова сначала (в первых трех указанных принципах) кажется прямо примыкающим к критицизму и позитивизму (в сочетании идей Канта и Конта), но, в конце концов, он неожиданно освещается, как по существу этический имманентизм. Только то и реально, в чем человеку дано действовать, и потому «история и есть существенный признак, отличающий род homo от других зоологических родов». История начинается лишь там, где имеет место сознание свободы, — до этого мы имеем лишь «канун свободы»; сама реальность человека раскрывается лишь в движении истории. Но если движущая сила истории есть творческая мысль человека, определяемая идеалом, то, значит, в сознании человека открывается простор для свободы, то есть раздвигаются рамки простой необходимости, открывается область «возможного» (без чего логически нельзя иметь сознания «свободы»). Таким образом становится ясным, почему тайна всего бытия сосредоточена в человеке и именно в его моральном сознании. Моральное сознание, начинаясь с простого «желания», создает

идеал и движет творчество человека, вырывает человека из потока бессознательного бытия, создает историческую действительность. И если Лавров так суммирует свой антропологизм: «Человек есть источник природы (ибо из данных опыта человек воссоздает «природу»), источник истории (борется за свои идеалы, бросает семя в почву окружающего мира), источник собственного сознания (перестраивает свой внутренний мир)», то ясно, что человек здесь взят, как существо творческое, существо моральное.

Мы охарактеризовали выше антропологизм Лаврова, как этический имманентизм. И, действительно, все центральное значение человека определяется наличием в нем этического начала, но сама эта этическая сфера в человеке берется исключительно в пределах имманентизма Трансцендентная сфера, реальное значение которой признавал даже Кант для этической сферы (в своем гениальном учении о «примате практического разума» и о неустрашимом при этом устремлении к «Безусловному»), — здесь совершенно отстраняется. Антиметафизическая позиция Лаврова помешала ему осмыслить тот капитальный факт основоположного значения моральной сферы, который он сам так глубоко вскрыл, — отсюда его «полупозитивизм». Лавров действительно здесь очень приближается к Ланге, но он остается совершенно самостоятельным и оригинальным в своем философском замысле».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1105658879521008>

ОЧЕРК ФИЛОСОФИИ. Ч. 2.

«Философствовать, это — развивать в себе человека, как единое стройное существо»

П.Л. Лавров

Продолжаем рассматривать антропологические воззрения П.Л. Лаврова. О таких аспектах его теории, как этика, историософия и гносеология, пишет В.В. Зеньковский в «Истории русской философии». Приводим выдержки оттуда:

«Лавров всегда движется в узком кругу «сознаваемого», «критическое сознание» есть для него и ценнейший продукт, и творческая сила индивидуального и исторического движения. В этом смысле можно говорить об одностороннем интеллектуализме Лаврова. Если он любит говорить о цельной личности, то здесь понятие цельности относится к невозможности отделять или отрывать сферу морали от познавательного отношения к миру. Но в учении о внутреннем строе человека Лавров очень упрощенно глядит на него, не предчувствует и не учитывает того, что внес в антропологию Достоевский, вся школа Фрейда (Адлер, Юнг и др.): для Лаврова нет внутренней «запутанности» в человеке. Правда, он не раз говорит о «дикарях высшей культуры», но это выражение относится не к каким-либо стихийным движениям в человеке, а к тем людям, которые, принадлежа к народам, живущим исторической жизнью, сами выпадают из истории, оказываются вне истории. Участие в истории, по Лаврову, творится через приобщение нашего сознания к историческому движению (в форме «способности наслаждаться развитием»); лишь «критически мыслящая личность» реально входит в историческую жизнь. «Личность» в человеке творится им самим, она не дана, а задана. Очень любопытна в этом отношении такая мысль Лаврова: «область нравственности не только не врождена в человека, но далеко не все личности вырабатывают в себе нравственные побуждения, — точно так же, как далеко не все доходят до научного мышления. Прирождено человеку лишь стремление к наслаждению, и в числе наслаждений развитой человек вырабатывает в себе наслаждение нравственной жизнью и ставит это на высшую ступень в иерархии наслаждений». Как видим, для Лаврова внутренний строй человека, в его основах, оказывается весьма упрощенным, и если этицизм в построениях его получает, как было указано выше, такое сильное и вдохновенное выражение, то, очевидно, этические идеи Лаврова совсем не вытекали из его антропологии. В антропологии Лавров является релятивистом, он не знает ничего о «непроизводных функциях» в душе (к каким относится и сфера морали); лишь мысль человеческая является для Лаврова твердой, не релятивной, а, поистине, безусловной точкой опоры. В этом и состоит интеллектуализм Лаврова.

Гораздо богаче и в известном смысле замечательно понятие личности, если брать это понятие уже в стадии моральной жизни личности. Собственно, только о человеке, в котором уже проявилась и окрепла моральная сфера, можно говорить, что личность есть «неделимое целое». В «дикарях высшей культуры», например, когда личность не участвует сознательно в историческом движении (то есть не содействует «прогрессу»), нет моральной жизни, не может быть и цельности, ибо нет двух сфер (познавательной и морально оценивающей), неразрывная цельность которых так существенна. Но в личности, доросшей до моральной жизни, есть внутренний мотив цельности. Поэтому «цельность» в человеке есть не онтологическая, так сказать, а историческая категория. Ни в чем так не сказывается узость позитивистической установки у Лаврова, как в том, что он превращает и моральную сферу, и сам разум в

продукты эволюции, в чисто историческую категорию. Весь грандиозный замысел незаконченной работы его — «Опыт истории мысли» основан на этом...

Из этики Лаврова вытекает и его философия истории — она всецело определяется моральным сознанием. В частности, очень важной является идея «уплаты долга» народу, — эта идея впервые была развита Лавровым в «Исторических письмах»: «Дорого заплатило человечество за то, чтобы несколько мыслителей в своем кабинете могли говорить о его прогрессе. Если бы... вычислить, сколько потерянных жизней... приходится на каждую личность, ныне живущую человеческой жизнью, наши современники ужаснулись бы при мысли, какой капитал крови и труда израсходован на их развитие...». В приведенных словах, чрезвычайно характерных для идеологических исканий 70-ых годов, ярко выступает и сам Лавров в глубочайших мотивах его построений. «Я сниму с себя ответственность, — тут же писал он, — за кровавую цену своего развития, если употреблю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящем и будущем». Отсюда напряженный

утопизм в мышлении Лаврова; справедливо однажды было сказано об аскетизме в его «проповедях». Революционер в Лаврове подменяется, по выражению Овсяннико-Куликовского, «подвижником-просветителем». Только «просветительная программа» и здесь не похожа на западное Просвещение, — она всецело здесь определяется этической установкой. В истории, кроме необходимости, открывается простор для «возможности», — и потому важно «отдать себе отчет», что должно вносить в исторический процесс. История есть творческое преобразование вне-исторического бытия, — и хотя существует внутренняя закономерность в истории, но она достаточно пластична для того, чтобы творческое вхождение в историю было плодотворным, — тем более, что движущая сила истории, как мы знаем, заключена в человеческой мысли. Лаврову чужды элементы руссоизма, которые мы найдем у Михайловского: идеал истории для него впереди.

Социалистические убеждения Лаврова, очень глубоко и сильно жившие в нем, подсказывались, конечно, моральным сознанием, но Лавров непременно хотел рационально обосновать свой социализм. Не следует забывать, что Лавров испытал сильное влияние Маркса, что он сам подчеркивал. В связи именно с этим надо толковать общий историософский рационализм у Лаврова, — в целом ряде пунктов у Лаврова находим отзвуки гегелианства, — воспринятого и через Маркса, и независимо от него. Безоговорочный детерминизм соединяется у Лаврова (как у Гегеля и всех его последователей) с прославлением свободы, как действующей силы истории. Это совпадение необходимости и свободы у Лаврова имеет особый характер, в связи с тем, что он вводит в рассуждение категорию «возможности», — что станет у Михайловского центральной историософской категорией. Но категория возможности для Лаврова связана с психологической реальностью свободного действия. Мы видели, что для Лаврова история начинается там, где «естественный» ход процессов осложняется тем, что вытекает из сознания свободы. И если Лавров принципиально признает принцип детерминизма в историософии, то через все его исторические книги и

статьи проходит красной чертой призыв к свободному творчеству «критически мыслящей личности». Лавров гораздо более апостол свободы (и потому он и был вождем большой группы ищущей молодежи), чем истолкователь исторической необходимости прогресса... Пафос этицизма всей своей вдохновляющей силой обращен у Лаврова именно к свободной личности, и его пламенная и неустанная проповедь социализма носит на себе все черты утопического мышления. Овсяннико-Куликовский справедливо говорит о романтизме в мысли Михайловского и Лаврова. В оболочке позитивизма проявляется у обоих мыслителей все та же романтическая устремленность к социальной правде, которая характерна для русских романтиков, — и да и только-ли русских? ...

Лавров был несомненно очень оригинальным умом; однако, та синтетическая задача, которую он осознал для себя очень рано, открывала простор для самых различных влияний на него. Философские искания Лаврова были крайне сужены в то же время тем духом секуляризма, который безраздельно царил в ней, — и увлечение «научностью» закрыло перед его сознанием все те темы, которые диалектически связаны с философским осмыслением бытия. Единственная область, в которой Лавров ничем не был стеснен, была сфера этики, но и здесь Лавров упрямо хотел остаться в пределах этического имманентизма, отвержения всякой метафизики. Получилось вопиющее противоречие во всей системе, в которой Лаврову так хотелось достичь целостности. Вся этическая жизнь всецело определяется и вдохновляется сознанием свободы, но реальность этой свободы была для Лаврова лишь психологической. Этическое сознание у Лаврова было страстным, глубоким и категорическим, а философское осмысление было заранее ослаблено позитивистическим складом мысли. Лаврову не только не удалось достичь целостности, но ему не удалось (благодаря априорному отвержению всего «метафизического») даже с достаточной глубиной вскрыть тайну человека. Это сочетание категорического и страстного этицизма с принципиальным релятивизмом и обрекло Лаврова на «полупозитивизм». Если сам Лавров не ощущал внутренней неслаженности его системы, то потому, что вкус к историческому исследованию закрывал перед ним принципиальную дисгармонию в его системе. Превращение и тайны человека и тем смыслового порядка в «исторические категории», этот принципиальный релятивизм изнутри обессиливал позиции Лаврова. В его системе дух секуляризма явно лишь обедняет и суживает то, что несет с собой подлинное философское (в частности, этическое) вдохновение».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1106260186127544>

ДОСТОИНСТВО ЭГОИСТИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

«Для того чтобы история человека началась, чтобы началось развитие, чтобы родилась нравственность, необходимо, чтобы творчество человека обратилось на него самого, чтобы к сознанию своего Я присоединилось представление своего Я»

П.Л. Лавров

В одной из своих ранних работ «Очерки вопросов практической философии» (1859) П.Л. Лавров развивает интересную теорию эгоистической личности. По мнению Лаврова, первым побуждением к деятельности является стремление к наслаждению и избегание страдания. Поворотным моментом в развитии человечества является период, когда творчество человека обращается на него самого. Так возникает «представление своего Я» и идеал, к которому человек начинает стремиться. Достоинство эгоистической личности состоит в том, что она всецело поглощена этим идеалом и уделяет мало внимания отношениям с другими личностями. Лавров пишет:

«Стремление к наслаждению есть первое побуждение к деятельности. Знание и творчество составляют орудия для удовлетворения этого побуждения. Знание возбуждает желания; творчество стремится их удовлетворить помощью того же знания. Невозможность удовлетворения желания является основной преградой наслаждения, и творчество примиряет человека с этой невозможностью с помощью мифических образов, мифических обещаний. Знания случайно расширяются; желания увеличиваются; формы творчества усовершенствуются. В этом проходит жизнь единиц. Таково низшее состояние человека в нравственном отношении, если можно назвать нравственным подобное состояние. Оно не представляет ни начала развития, ни представления о необходимости деятельности в том или другом направлении. Приобретенные знания, созданные образы, возбужденные желания, совершенные действия - все здесь для личности случайно. Весьма много личностей по недостатку развития самосознания находятся еще на этой ступени, которая ничем не выше состояния скота, а, пожалуй, ниже, потому что животное не имеет возможности выйти из своего положения.»

Для того чтобы история человека началась, чтобы началось развитие, чтобы родилась нравственность, необходимо, чтобы творчество человека обратилось на него самого, чтобы к сознанию своего Я присоединилось представление своего Я. Это представление, конечно, создается фантазией, потому что знание бессильно на подобную работу. "Познай самого себя" - задача давно поставленная, и еще надолго не предвидится ее решения. Полное ее решение, то есть разумное определение своего Я как результата тройного процесса - влияния внешнего мира, саморазвития в своем сознании и процесса исторического, это решение едва ли не составляет окончательного результата будущей науки, асимптоты для кривой умственного развития человека. Фантазия создает перед человеком вне его действительного Я другое, идеальное Я, которое остается относительно постоянным при беспрестанном изменении чувств, желаний и душевных состояний человека. Это идеальное Я - личное достоинство человека.

Как идеал, поставленный творчеством во имя стройности, достоинство личности является для действительной личности по необходимости чем-то высшим, безусловно заслуживающим уважение. Как цель, поставленная творчеством, этот идеал требует от человека деятельности для своего достижения. С первым требованием,

являющимся внутри человека, рождается необходимость развития для известной цели; с поставлением этой цели рождается нравственный идеал и самая нравственность. Необходимое требование дает начало первой обязанности и первому праву, нераздельно возникающим в духе человека...

Силы физические, силы умственные, сила характера - вот источники для преодоления препятствий, которые представляются человеку, стремящемуся наслаждаться, развиваться, поддерживать свое достоинство. Они составляют поэтому необходимый предмет уважения и входят в самое понятие о человеческом достоинстве. Они составляют единственные части последнего, рассматриваемого как достоинство эгоистическое, то есть как достоинство личности, которая не берет в соображение свои отношения к другим личностям. На этой точке зрения человек приписывает себе безусловное право подчинять себе все и всех, расширять свою личность до пределов возможности, налагать на себя безусловную обязанность выделения из всего окружающего исключительного уважения своей особенной личности. Около него только враги и опасности. Их надо подчинить себе или надо им подчиниться. Но и при дальнейшем развитии это начало уважения к собственной личности, начало потребности и обязанности личного развития не исчезает. Оно, как видим, дополняется, расширяется и вследствие того теряет свою исключительность. Но оно все-таки остается основой человеческой нравственности, которая лишь там существует, где есть самоуважение...

Высшее достоинство личности не в физических качествах, не в умственном развитии. Тело и ум - превосходные орудия наслаждения: помощью их человек может подчинить себе все окружающее; но это только орудия; они доставляют только возможность наслаждения. Для действительного могущества, для действительного достоинства надо решиться, а решимость не принадлежит ни телу с его побуждениями, ни уму с его мышлением, но воле, развивающейся в характер... Без силы характера побуждения, планы, цели сменяются беспрестанно; труды, употребленные для достижения одного наслаждения, теряются вследствие небольшого нового препятствия, которое мы не решаемся преодолеть. В борьбе желаний и боязни последствий мы пропускаем минуту, в которую надо решительно действовать, отправляем себе

самое удовольствие. Без силы характера все физические и умственные силы человека теряются лишь на то, чтобы подчиняться большую часть своей жизни тысяче разнообразных обстоятельств, ему встречающихся, и не потому, что он не может выбрать себе дорогу, а потому лишь, что не решается идти по ней. Отсюда мы получаем, что высшее достоинство личности заключается в ее характере, то есть, по определению Фихте (младшего), в том, чтобы воля и действия человека вытекали из обдуманной причины, чтобы в его побуждениях и в деятельности лежала логическая последовательность, которая в высшей мере составляет принадлежность мысли. Преобладание характера над физическими качествами и над умом заключается и в том, что сила характера предполагает уже в известной степени силу физическую и умственную и во всяком случае совокупляет в данное мгновение все силы тела и ума, присутствующие в личности, для данной цели. Идеал характера есть полное

самообладание. Но могущество характера имеет тем обширнейший круг действия, чем разнообразнее орудия, им употребляемые, чем совершеннее силы тела, чем гибче ум, чем обширнее знание, чем изобретательнее творчество, и поэтому идеал личности есть соединение силы и красоты в теле, в уме и в характере. Стремиться к этому идеалу, развивать его в себе есть обязанность и право каждой личности. Всякое ограничение этого стремления, как уже видели, есть зло для личности, всякое самоограничение - грех, нарушение высшей обязанности относительно самого себя...

Таким образом, себялюбивая личность, требующая только наслаждений, в самой себе нашла источник нравственного развития. Она преклонилась перед своим достоинством и во имя его развила свои телесные качества, обогатилась знанием, закалила в себе волю и предписала себе обязанности. Самообладающая личность, физически сильная и прекрасная, могучая знанием и творческим умом, стала идеалом достойной личности. Это был идеал классического мира, который сохранился со времени Одиссея до стоиков, видоизменяясь в подробностях, смотря по тому, требовало ли человечество, полное сил и надежд, практической деятельности от своих полубогов и героев или в разочаровании Катонов ограничивалось страдательным самообладанием. Идеал этой свободной личности, связанный лишь необходимостью, не знающей других двигателей, кроме своего произвола и своего достоинства, вошел и в римское право... Этот процесс развития личности из самой себя показывает уже, что она в самой себе может найти источник нравственности и что ей необходимо самовоспитание в нравственном отношении, подобно тому как она развивает себя в отношении физическом и умственном. Процесс этого воспитания шел путем развития понятия о человеческом достоинстве. Сначала высший идеал являлся в одиноких личностях, одаренных творческой фантазией. Затем его воплощали немногие высшие личности, одаренные силой характера, оригинальностью, эта "соль земли", как называет их Милль. На эти личности смотрела масса как на образцы, и поколение, выросшее под влиянием нового понятия о достоинстве человека, передавало его своим детям как само собою разумеющуюся истину. Этот идеал входил уже в число нравственных потребностей человека, служил материалом для новых созданий, для нового развития, для новой деятельности. Идеал прадеда казался правнуку диким стремлением, недостойным человека; люди, еще восхвалявшие его, были люди отсталые; но всякий, кто прибавлял новую черту к нравственному идеалу поколений, двигал последние вперед. Дальнейшее усовершенствование должно было произойти вследствие того, что личность внесла в свой идеал человеческого достоинства, результат своих столкновений с внешним миром и с другими личностями».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1107289386024624>

МИЛОСЕРДИЕ

«Теория милосердия, как безусловная, неприменима в отношении к людям. Она приводит к повсеместным противоречиям. Всего чаще она унижает все вокруг личности, ей слепо следующей, но часто она унижает и самую личность, потому что последняя, расточая вокруг себя милости, более и более отделяется в мысли от других людей, более и более уединяется в своем фантастическом превосходстве над ними, мало-помалу теряет ясное сознание своих способностей, своей деятельности, окружает себя призраками, обращает свою внутреннюю жизнь в бред полоумного, свою внешнюю жизнь - в театральное представление перед самим собой и перестает быть человеком, живущим в действительном мире для действительных целей»

П.Л. Лавров

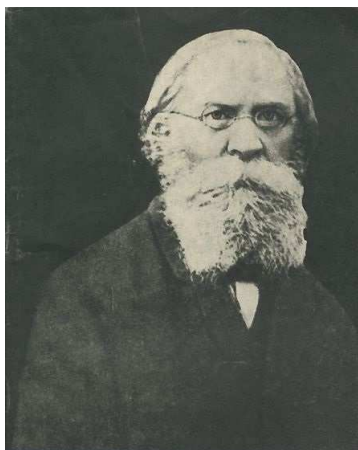
В ранней работе «Очерки вопросов практической философии» (1859) П.Л. Лавров показывает, как у эгоистической личности постепенно развивается милосердие. Лавров полагает, что оно является «видоизменением эгоизма», и его применение в абсолютном смысле невозможно. Милосердие к людям внутренне противоречиво. Лавров пишет:

«Естественное расширение личности, стремящейся к наслаждению, в присутствии внешнего мира вело ее к желанию подчинить все окружающее своему произволу, усвоить все себе так, чтобы она могла действовать со всем, что около нее, как ей вздумается. Здесь лежал источник властолюбия; отсюда выходило стремление к присвоению всего; здесь начало собственности. Если бы предоставлялась возможность, то личность объявила бы весь мир своею собственностью и всех людей - своими рабами, все силы природы - своими орудиями. Деспотизм Нерона и Калигулы, поставленных на престол не Римской империи, не человечества, но всей природы, - вот идеал личности в ее эгоистическом развитии... Этот идеал есть первый, который является в душе каждого ребенка, и в том случае, когда неразумное баловство окружающих лиц не старается его заменить или дополнить другим началом, этот идеал остается в глубине характера взрослого, проявляясь где может и когда может. Здесь начало патриархального идеала отца семейства, перед которым трепещут жена и дети; здесь начало административного идеала начальника, не дозволяющего подчиненным ни мысли, ни возражения. Это все развитие личности на счет всего окружающего, насколько предоставляется к тому возможность...»

Властолюбие личности в отношении ко всему, что слабее ее, что могло быть ею подчинено своему произволу, не встречает препятствия в самих предметах, на которые оно обращено; поэтому человек считал и считает собственностью, владение землей и вещами, им приобретенными, своим правом. Он считает своим правом обрабатывать землю, ему принадлежащую, или оставлять ее впусе, вырубать свои леса, затоплять луга, распоряжаться растительностью почвы по произволу. В отношении к царству животных он становится тоже неумолимым врагом или эгоистическим повелителем. Одних он истребляет всеми средствами на охоте, других выкармливает, растит и холит на убой. Большая часть человечества еще находит совершенно невинным мучение животных. Значительная часть человечества смотрит на женщину и на детей как на собственность отца семейства. Рабство еще очень распространено не только фактически, но и в убеждении народов. Людоедство еще не исчезло с поверхности земли. Эксплуатация пролетария фабрикантом, бедного богатым, слабого сильным есть ежедневный факт в образованной Европе.

Тем не менее владычество эгоистического идеала уменьшается, и это уменьшение имеет два источника. Один есть следствие постепенного распространения на слабейшие существа того начала, которое определило отношение между равными; об этом мы поговорим ниже; другой источник вышел из самого отношения сильного к слабым.

Себялюбие было единственным началом развития отдельной личности, но оно перешло в высших натурах в поклонение своему достоинству. В отношениях к внешним предметам себялюбие развило другое чувство. Человек не относится одинаково ко всем предметам, ему подчиненным. Одни ему доставляют более физического или эстетического наслаждения, чем другие; к некоторым он совершенно равнодушен; еще к другим он чувствует отвращение или потому, что они ему вредны, или просто гадки. Таким образом он делает выбор между существами, его окружающими, и его предпочтение обыкновенно падает на те существа, жизнь которых ему понятнее или известнее... Чем выше развит человек, следовательно, чем его нервная система чувствительнее, тем неприятнее состояние зрителя чужого страдания. Это нервное состояние отражается в душе чувством отвращения к чужому страданию, а в лучших натурах - чувством сожаления. Эти натуры вносят чувство сожаления к страждущим в понятие о своем достоинстве, и деспотизм ничем не ограниченной личности встречает ограничение в милосердии... В сущности милосердие есть только добродетель высшего и предполагает произвол личности, способной помиловать. Ныне проповедуют милосердие к животным и жестокое обращение с ними вызвало против себя общества, даже в иных странах вмешательство закона. Милостыней называем мы унижительную помощь, даваемую ближнему, не из уважения к его праву, а из сожаления. Еще значительная часть человечества не требует своего права, но просит милости... Во многих обычаях еще остались следы этого подчинения силе, этого искания милости, и мы становимся на эту точку зрения, начиная машинально письмо словами милостивый государь.

Милосердие, как безусловное начало, скоро приводит к резким противоречиям в духе человека. Происходя из отношения к слабейшим, оно не предоставляет возможности распространения на остальные существа, равносильные и сильнейшие, которые в нем не нуждаются. Оно в этом случае явилось бы мечтою помешанного, который воображает себя олимпийцем и в своем бреду не хочет употребить свою безграничную силу, когда в действительности он этого не может. Эта фикция всемогущества и милосердия имела еще не очень давно действительное проявление в манифестах китайского богдыхана, который объявлял, что милует рыжих варваров, когда на самом деле они предписывали ему законы.

Но и в отношении к слабейшим противоречие неизбежно. Некоторые из лиц слабейших не хотят моего милосердия, другие принимают его. Естественно, принимая милосердие за достоинство, следовательно за мое право и мою обязанность, я смотрю на людей, возмущающихся против него, как на людей злых, порочных, дурных. Я могу продолжать быть в отношении к ним милосердным, но тогда в моей душе живет неразрешенное противоречие между понятием об этих людях и моим к ним расположением; потому что истинное милосердие не заключено в одних действиях, но проникает мою душу как чувство и мысль. Это противоречие неразрешимо, пока я не признаю за моими ближними права отвергать мое милосердие; но это признание выходит из другого начала, о котором будем говорить ниже, с точки же зрения милосердия я один имею право и обязанности, а чужих прав я не знаю. С другой стороны, я могу отречься

от милосердия в отношении к тем, которые не хотят его, или потому, что они более недостойны моего милосердия, или потому, что я не хочу более быть милосердным. В первом случае я действую в противоречии с моим началом, потому что признаю влияние на мое действие не только моего достоинства, из которого истекает мое милосердие, но чужого достоинства, которое, с моей точки зрения, не имеет значения. Во втором случае я тоже противоречу сам себе, потому что перестаю быть милосердным во имя начала милосердия...

Итак, теория милосердия, как безусловная, неприложима в отношении к людям. Она приводит к повсеместным противоречиям. Всего чаще она унижает все вокруг личности, ей слепо следующей, но часто она унижает и самую личность, потому что последняя, расточая вокруг себя милости, более и более отделяется в мысли от других людей, более и более уединяется в своем фантастическом превосходстве над ними, мало-помалу теряет ясное сознание своих способностей, своей деятельности, окружает себя призраками, обращает свою внутреннюю жизнь в бред полоумного, свою внешнюю жизнь - в театральное представление перед самим собой и перестает быть человеком, живущим в действительном мире для действительных целей.

Но вся эта критика относится к теории милосердия лишь настолько, насколько мы признаем милосердие безусловным началом. Тогда милосердие, видоизменение эгоизма, не допускающего вне себя достойных личностей, есть зло и ведет ко злу. Совсем другое представляется нам, когда милосердие мы ставим нравственным идеалом во имя религиозного учения или во имя справедливости; тогда оно оправданно, но теряет свою безусловность; оно имеет свое начало вне себя. Кто милосерд во имя религии, для того выше всего идеал религиозности. Кто милосерд, потому что находит милосердие в данном случае самым справедливым побуждением, тот преклонился перед идеалом справедливости, а не милосердия».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1108102662609963>

ПОНИМАНИЕ ФИЛОСОФИИ В РАЗНЫХ СТРАНАХ

«Философия есть нечто весьма обыденное, нечто до такой степени нераздельное с нашим существом, что мы философствуем не участь, при каждом произносимом слове, при каждом осмысленном действии, философствуем хорошо или дурно, но постоянно и неудержимо»

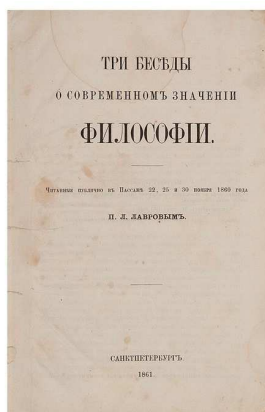
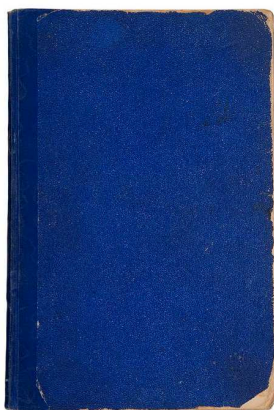
П.Л. Лавров

Работа П.Л. Лаврова «Три беседы о современном значении философии» (1860) представляет интерес во многих отношениях. Прежде всего, в ней Лавров сформулировал собственные взгляды на сущность философии. Он также вкратце описал контекст понимания философии, характерный для российского образованного общества 1850-1860-х гг. По мнению Лаврова, философия мыслится в разных странах по-разному. Немцы видят в своем отечестве исключительную родину современной философии. Французы сделали философию орудием социально-политической борьбы. В России же, по мнению Лаврова, нет четкого понимания философии, поскольку отсутствует многовековая интеллектуальная традиция. Лавров пишет:

«Значение философии для общества было очень различно. Всего более о ней говорили в Германии и во Франции; но в этих двух странах она являлась представительницей двух совершенно различных направлений. Немцы считают себя, как немцев, прирожденными судьями философских предметов и, гордясь именами нескольких замечательных мыслителей, видят в своем отечестве единую исключительную родину философии. Она там вошла в поэзию, в беллетристику, в обыденную жизнь. В таких же маленьких изящных книжках, как стихотворения Ленау, Гейне, Уланда, издаются для дамских столов сборники Карьера, Шеффера, Саллета, проникнутые шеллингизмом и гегелизмом. Во многих романах Фанни Левальд, Гуцкова и других писателей философские споры составляют предмет целых глав. Если кто в общественном разговоре или в речи употребит философский термин, это не покажется странным. Философские споры проникли в германское общество, в германскую жизнь. И споры эти касаются самых отвлеченных вопросов. Школы гегельянцев, шеллингистов, кантианцев, гербартианцев, материалистов и т. д. разделяются между собою по вопросам об отношении мысли к действительности, о том, существует ли Я, или это есть призрак, какое отношение между веществом и силой и т. д. Последний вопрос так занимал всех в Германии еще недавно, что в продолжение нескольких лет редко выходила серьезная книга или книжка журнала, без того чтобы автор где-нибудь в целой главе или в заметке не излагал своего отношения к этому вопросу.

Мы найдем совсем другое, если обратимся к Франции. Там слово философия есть знамя, с которым идут в битву общественные партии. Во время всего XVIII в. шла ожесточенная борьба во имя философии. Это слово ставили на алтарь в виде богини разума, из-за него изгоняли и казнили, но при всем том обращали очень мало внимания на его научное значение. Буржуазия не хотела более терпеть гнета светской и духовной аристократии. Последняя опиралась на определенное мирозозерцание, на установленные предания. Против этих-то преданий шли бороться Вольтеры и Дидро. И читатели, и сами авторы часто плохо знали, верят ли они или не верят в бессмертие души, в материю и бестелесный дух, в бога. Можно указать в этом отношении много непоследовательностей и противоречий у одного и того же писателя. Но они были последовательны в одном - в своей практической борьбе с установленным порядком вещей. Прошла французская революция. Старшая линия Бурбонов была унесена

собственным непониманием своего положения, и буржуазия явилась властью. Новые общественные партии вышли на сцену, и во имя своих практических интересов каждая из них выставила свою философию. Философу буржуазии Кузену нужно было, чтобы воля была свободна и дух был бессмертен; чтобы гражданская свобода и собственность были освящены мыслью, и он все это доказал. Из всех древних и новых систем он собрал все, что нужно было для этой цели, и создал французский эклектизм. Но против буржуазии стояли другие партии со своими целями, и вот Вентура пишет свои проповеди о разуме философском и разуме католическом, о христианской власти; вот выступают социалисты. Во всех этих сочинениях практические вопросы, практические стремления на первом плане. За них бранят и прославляют писателей в различных кружках общества. До остального же почти никому нет и дела.

У нас философия не имеет ни того, ни другого значения. У нас нет философского предания, великих имен национальных мыслителей, которых системы спорили бы о господстве между ними. Иной из нас вспомнит иногда давно умолкшего профессора, ученика немецкого мыслителя, но вспомнит о лице, о единице, а не о направлении. Несколько шеллингистов оставили в нашей литературе и в памяти общества след несколько более яркий, чем мыслители

других направлений, но все это смутное предание. Философских школ у нас не было, а были философствующие единицы, и те приносили очень мало своего, а развивали большей частью предмет по миросозерцанию того или другого германского философа. Нечего уже говорить, что у нас нет и следа общественных партий, которые бы боролись и выставляли философские принципы для своих практических целей. У нас, собственно, только два отдела в обществе: люди, желающие знания и развития, и поклонники невежества, люди, раскольнически враждебные науке, именно в ее развивающих человеческих началах. Но это не школы и не общественные партии. В практических вопросах, как в теоретических, у нас опять единицы, не успевшие или не умевшие организовать в партию.

Не мудрено, что и наше общество связывает со словом философия и философ часто очень невыгодные представления и наши лучшие писатели выражают подобное представление о своих комических идеалах. Философствование для Фамусова имеет значение гастрономическое. Судья "Ревизора", который "своим умом дошел" до решения вопросов о мироздании, есть карикатурный философ. У нас называют философом того, кто ведет себя не так, как другие, кто пренебрегает приличиями. "Прошу не философствовать, а делать", - говорит начальник подчиненному, осмеливающемуся возражать. "Философия есть наука лени", - повторяет, говорят, ежегодно своим слушателям один петербургский профессор, имя которого с уважением произносится и за границей между специалистами его предмета.

С другой стороны, со словом философия наше общество связывает представление о чем-то весьма темном, трудном, доступном лишь немногим специалистам. Она вызывает воспоминание неуклюжего тома "Умозрительной физики", где говорится об "идее вечности, равнозначительной всесуществу нулю", и т. п. Между тем автор этого сочинения был не случайный фантазер, но один из немногих посвятивших долгие годы и многие труды на философское преподавание. Мудрено ли, что публика, с которой

говорили таким образом о философии, чуждалась ее? Дико звучали в ушах русского человека непереваренные термины шеллингизма, к которым Германия была приготовлена рядом мыслителей, составлявших и изменявших постепенно немецкую философскую терминологию. Не так уже трудно было слушать формулы Шеллинга тем, кто имел в своем прошлом Канта, перед Кантом Вольфа и др., развивших философское мышление на родном языке. Но в России не было подобного приготовления, и потому предмет, наполненный полупонятными или вовсе не понятными выражениями, представился обществу как нечто туманное, чуждое, как предмет, составляющий специальность нескольких человек, а остальным вовсе не нужный».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1110555312364698>

ФИЛОСОФИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ

«Творчество есть процесс образования форм. Форма является его существенной принадлежностью. Там, где наша мысль, чувство, решимость находят себе форму, там присутствует творчество»

П.Л. Лавров

Во втором разделе из цикла «Три беседы о современном значении философии» (1860) П.Л. Лавров рассматривает феномен творчества и его связь с философией. Лавров определяет творчество как процесс образования форм, при этом творчество всегда содержит патетическое начало, которое делает форму прекрасной. Истинный творец не смотрит на форму как идолопоклонник, но всегда стремится ее преодолеть, что актуально и для метафизика, стремящегося развивать и уточнять свою систему. Это и есть философия в творчестве. Обратимся к выдержкам из работы Лаврова:

«Творчество есть процесс образования форм. Форма является его существенной принадлежностью. Там, где наша мысль, чувство, решимость находят себе форму, там присутствует творчество.»

Мы открыли особенности этого процесса в простейших явлениях творчества. Поверим их в более сложном случае, где мы признаем творчество неоспоримым,-- в искусстве, в фантазии художника.

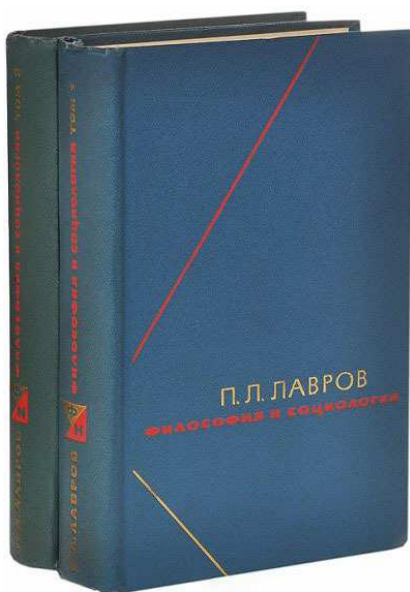
Многие отвергают теорию искусств, отождествляя их с их историей. Эстетика, как особенная наука, не имеет для многих смысла. "Что нравится одному, то не нравится другому", - говорят они. Им можно возразить, что самые ощутительные истины науки не всегда схватываются необразованными умами. Надо развить в себе мышление, чтобы отличить вероятнейшее от наименее вероятного, чтобы наши желания и предрассудки не имели влияния на наши суждения о предметах. Это еще в большей мере относится к прекрасному. Развейте в себе вкус, понимание красоты, устраните личные расположения и неприязни, жизненные цели, расчеты и стремления: вероятно, ваши суждения о красоте не будут так различны, как теперь. Впрочем, я не имею ни времени, ни желания вдаваться здесь в разбор теории прекрасного. Впечатления прекрасного существуют. Сравните их, разберите их, выделите то, что к ним примешивается из других областей, и факты, вами полученные, будут фактами эстетики.

Не вдаваясь в полемику, можно, кажется, принять, что стройная форма и патетическое действие художественного произведения суть два элемента, в которых проявляется его достоинство. Как ни священны нам изображения, начертанные живописцем, но если их форма уродлива, то искусство их не признает. Как ни благородны, как ни современны мысли, высказанные стихотворцем, но, если он пишет деревянными стихами, если он не уловил стройной формы, он никогда поэтом не будет. Об этих стихотворцах, сильных в жизненных вопросах, но слабых в форме, можно повторить слова Буало: "Это такой прекрасный человек; зачем он не пишет прозой?" Чтобы убедиться, что форма есть существенное, необходимое условие наслаждения искусством, кажется, довольно противопоставить произведение, облеченное в прекрасную форму, но чуждое всем жизненным, затрагивающим вопросам, другому, которое проникнуто живой мыслью, но отличается пренебрежением формы. Разница бросается в глаза даже в поэзии, где споры о форме и содержании бывают самые упорные...

Споры умолкают большей частью и в произведениях слова, когда мы перейдем к высшей ступени художественного творчества - к созданию идеалов. Когда дело доходит до личностей, в которых воплощается мысль художника, то все сколько-нибудь образованные ценители приступают к ним с одним требованием: они должны жить, то есть, переводя это на более сухую, но зато более точную формулу, они должны заключать в себе все существенные признаки реальных личностей и не заключать признаков противоречивых. Они должны быть стройны во всех своих проявлениях; стройность есть их существенное и отличительное свойство. Самые резкие воплощения современных недостатков или желаемых добродетелей, если в них нет стройности, не находят себе оправдания в глазах критиков.

Повторяю: стройная форма есть существенное и необходимое условие художественного творчества. Она рисуется в фантазии художника, требуя неутомимо себе воплощения; она есть единственная цель художника, если он в самом деле художник.

Но форма не есть единственное условие художественного творчества. Если бы оно было так, то пластические искусства перешли бы к геометрии, музыка ограничилась бы учением о гармонии и Хогарт, говоривший о линии наибольшей красоты, наибольшей прелести, указал бы единственно верный путь к искусству. Но оно не так. Самая изящная геометрическая фигура, самое гармоническое сочетание звуков еще не прекрасны; они только стройны; они могут быть сами по себе целью художника, могут удовлетворять его как художника, могут быть оценены равными ему художниками как вполне удовлетворительные; они как этюды могут быть превосходными образцами для учеников - и только.

В них недостает патетического начала, которое одно, вливаясь в стройную форму, делает ее прекрасной. Что такое мелодия? Что такое лирический порыв? Что такое драматизм? Это есть потрясающее человеческое начало, выходящее из личности художника и передающееся помощью его произведения массе зрителей и слушателей. Художник преследует форму, и только форму; но он человек; он знает, верит, чувствует, желает; его внутренний мир невольно бессознательно сопричастствует при его процессе творчества; и его стройная форма одушевляется его внутренней жизнью. Эта форма есть не безличный результат бессознательной природы; она есть сознательное произведение художника-человека. Она потрясает массу его братьев-людей настолько, насколько в ней есть человеческого, и ее стройность запечатлевает ее в изображении поколений, сообщает ей неизгладимое существование среди общества, делает ее двигателем этого общества, чего она никогда не достигла бы, оставаясь только патетическим выражением. Антигона, леди Макбет, Гретхен, Одиссей, Гамлет, Пимен живут среди нас, преследуют нас постоянно, входя в нашу жизнь, делаясь более действительными, чем многие из наших знакомых, которых мы помним лишь тогда, когда они составляют реальный предмет нашего наблюдения...

Истинный художник вносит смело свое патетическое состояние в форму, пред ним носящуюся; литератор создает новое слово для новой мысли; мыслитель создает, если нужно, новую космогонию, новую метафизику; ученый создает новую систематику.

Заметьте: если нужно. Тут дело лишь в том, что человек относится к существующим формам искусства или научного творчества не как идолопоклонник к своему кумиру, но как свободно развивающаяся личность к продуктам и средствам своего развития. Он их обсуждает и подвергает их критике во имя знания. Эта критика не есть творчество, но она дополняет творчество, доставляя ему жизнь и развитие; она есть философия в творчестве. Художник и мыслитель настолько философ в своих созданиях, насколько он критически относится к существующим формам творчества, как чужим, так и своим собственным. Постоянное внесение всего своего знания, всего своего бытия в свои создания - это есть условие философии в творчестве. Без нее всюду рутина и неподвижность; она представляет вечную борьбу с созданным во имя создающегося. И тогда, когда мы принимаем уже существующие формы, мы их принимаем во имя критики после борьбы с ними, признав их удовлетворительными, но признав за собой право отыскать новые формы в случае нужды. Как бы ни был привлекателен кумир, если он кумир, то он вреден и должен быть разрушен. Все заслуживает уважения лишь настолько, насколько создано после критики как достойное уважения. Знаменитый Бэкон, которого философия легла в основание естествознания, в первой же книге своего знаменитого "Нового Органона" показывает вред, приносимый призраками (идолами) развитию человечества. Борьбу с ними он считает обязанностью, но в другом месте сознает, что для этого нет правила, но требуется лишь общая осторожность ума. Это именно есть требование всегдашней неумолимой критики».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1111326895620873>

ФИЛОСОФИЯ В ЖИЗНИ

«В общечеловеческом существе коренится вся философия знания, из живого исторического человека объясняется его философия творчества, особенность его личности определяется его философией жизни»

П.Л. Лавров

Во третьем разделе из цикла «Три беседы о современном значении философии» (1860) П.Л. Лавров рассматривает связь философии и жизни. Обратимся к выдержкам из работы Лаврова:

«Жизнь как воплощение в процесс действия нравственного содержания существенно различается от творчества - воплощения его в формы. В последнем случае форма, результат процесса, есть самая цель. В первом цель находится вне процесса, вне воплощения, он в каждое мгновение есть только переходное, случайное выражение для того, что не может воплотиться вполне, что составляет высшее, существенное, относительно неизменное в человеке, - для его нравственного идеала.

Слово идеал имеет здесь совершенно другое значение, чем в искусстве или в религиозном творчестве. Там это живые личности, охарактеризованные несколькими подробностями, врезающимися в воображение. Чтобы уяснить себе, что такое идеалы в жизни, проследим их происхождение.

Желание - источник знания, источник творчества есть тоже источник жизненной деятельности, развития. Если бы я не желал, я бы не действовал; существует даже болезненное состояние - апатия, которое представляет развитию ребенка в человека самое большое препятствие. Если б желание ограничивалось мгновением и не оставляло следов в нашем воображении после своего удовлетворения или неудовлетворения, то жизнь была бы непрерывным рядом радостей и страданий без всякого развития. Но элемент творчества, внешние проявления которого составили предмет нашей последней беседы, дает внутреннюю целостность группе наших желаний. Они являются не отдельными мгновенными побуждениями, не отвлеченными идеями, но желаемыми состояниями духа нашего Я. Пред нами становится в воображении другое Я, отличное от нашего лишь тем, что в нем нет недостатков, которые мы в себе сознаем; тем, что оно обладает совершенствами, еще нами не достигнутыми. Это Я есть нравственный идеал. Он отличается от идеалов художественного и религиозного творчества именно недостатком полноты, недостатком жизни, и эту жизнь он требует от нас; это дополнение заключается в наших действиях. Он требует от нас жизни беспрестанно, неуклонно, и мы знаем, что только своими действиями мы оживляем его. Но, вечно воплощаемый в нашу деятельность, он вечно удаляется от нас, требуя новой и новой деятельности, требуя жертв и борьбы, осуждая некоторые наши поступки, превознося другие, обсуждая все и не давая нам отдыха. Художник может остановиться в своем творчестве, отложить, обдумать дальнейшую деятельность; он не изменяет искусству. Жизненный деятель не может ни на минуту отвернуться от своего идеала; он не может остановить процесс своего развития. Кто на мгновение отвернулся от нравственного идеала, тот изменил ему, тот будет носить в своей мысли сознание своего преступления, своей порочности. Этот нравственный идеал есть наше человеческое достоинство...

Оценивай чужое достоинство. Это значит: изучай, будь внимателен ко всему и ко всем, вникай в особенности положения людей, тебя окружающих; исследуй общиe начала человека в его самом полном значении. Знание людей и наука человека являются содержанием этого правила.

Оценка чужого достоинства входит в сущность моего убеждения, то есть в сущность моего собственного достоинства. Это значит: все, что я признал равноправным со мной, должно быть для меня святыней, которую я должен уважать как святыню собственного достоинства. Как для последнего я обязан жертвовать случайными выгодами, низшими благами, даже в случае нужды жизнью, так в защиту чужого достоинства, вошедшего в мое убеждение, я должен браться на борьбу, чтобы из этого ни вышло. Чужое достоинство - это мое собственное. Мы пришли к великому началу братства, провозглашенному под формой стольких мифов, написанному на знамени стольких нравственных теорий, превознесенному столькими мыслителями, вышедшими из учений, совершенно отличных от того, которое я имею честь излагать здесь перед вами, мм. гг.; и между тем это необходимое, логическое следствие самого животного побуждения человека - желания наслаждаться. Только на пути встретились два пункта. Необходимость и право создавать в своем убеждении идеал общечеловеческого достоинства; обязанность поступать сообразно убеждению...

Философия в знании есть построение всех сведений в стройную систему, понимание- всего сущего как единого, единство в понимании. Философия в творчестве есть внесение понимания мира и жизни в творческую деятельность, воплощение понятого единства всего сущего в образ, в стройную форму, единство мысли и формы. Философия в жизни есть осмысление ежедневной деятельности, внесение понимания всего сущего как единого в нашу деятельность, воплощение понятого единства всего сущего в практический идеал, единство мысли и действия. Довольно сблизить эти выражения, чтобы в них прочесть отдельные термины одного понятия, отдельные признаки одной деятельности.

Философия есть понимание всего сущего как единого и воплощение этого понимания в художественный образ и в нравственное действие. Она есть процесс отождествления мысли, образа и действия.

В человеке рядом с философией присутствуют другие деятельности: научная, художественная, религиозная. Покажем их различие от предмета, нас занимающего.

Наука есть сумма сведений, проникнутых философским мышлением, но в ней главный интерес в сведениях, в фактах, а не в их построении. Науке принадлежит и факт, еще не осмысленный, не согласенный с прочими, не вошедший в теорию, не уясненный гипотезой. Научная деятельность вся поглощена собиранием фактов и определением их относительной вероятности. Философия не есть наука; она есть только деятельность, строящая науку, и без нее бы не существовало ни одной науки.

Искусство преследует красоту, стройную форму, оживленную пафосом художника: форма здесь существенное и только потому влечет за собой пафос, что художник - живая личность; полнота содержания не нужна, воплощения одной жизненной черты достаточно, чтобы оживить форму. Философия преследует тоже форму, но соответствующую содержанию. Для нее самое важное - содержание; форма должна ему подчиниться, к нему приладиться. Философия не искусство, но без нее не было бы ни одного прекрасного произведения, не существовало бы патетизма, а лишь стройные этюды разных родов.

Религиозная деятельность довольно сходна с философской по своим целям, но резко отличается от нее по состоянию духа личностей: вера есть существенный признак одной, критика - необходимое условие другой.

Таким образом, философия, отличаясь от прочих деятельностей человеческого духа, оживляет их все, сообщает им человеческую сторону, осмысливает их для человека. Без нее наука - сборник фактов, искусство - вопрос техники, жизнь - механизм. Философствовать - это развивать в себе человека как единое стройное существо...

Раз усвоив область нашей деятельности, нам легко уже найти, в частности, место, где мы находимся. Наш исходный пункт был: анализ человеческого желания; наш конечный пункт: развитие человека как стройное целое. Следовательно, мы находимся в округе антропологии - науки о человеке. Она есть цель, к которой стремится вся философия знания; из нее почерпали мы материал и для наших бесед. Мы исследовали человека, старались в различных отраслях его деятельности найти характеристические факты его бытия и свести эти факты к единству. Человек как познающий, творящий и живущий явился нам единым развивающимся человеком, и сущность этого единства развития оказалась философствованием».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1112145815538981>

ПРОГРЕСС

«В настоящем есть возможность прогресса, а прогресс для государства возможен лишь на одном пути. На этот путь помощью реформ или помощью революций должны стремиться направить существующие государства все те, кто понимает прогресс и желает служить ему. Если этот путь оказался бы невозможен, то прогресс для политического строя немислим, а политическая история останется летописью общественной патологии»

П.Л. Лавров

Наиболее известная работа П.Л. Лаврова «Исторические письма» готовилась в 1868-1869 гг. Она состоит из семнадцати писем, посвященных разным темам: естествознанию, историософии, историческому прогрессу, культуре, национальности, государству, религии и пр. Таким образом, в них охвачены основные темы философии Лаврова. Приводим выдержки из письма, посвященного взглядам Лаврова на исторический прогресс:

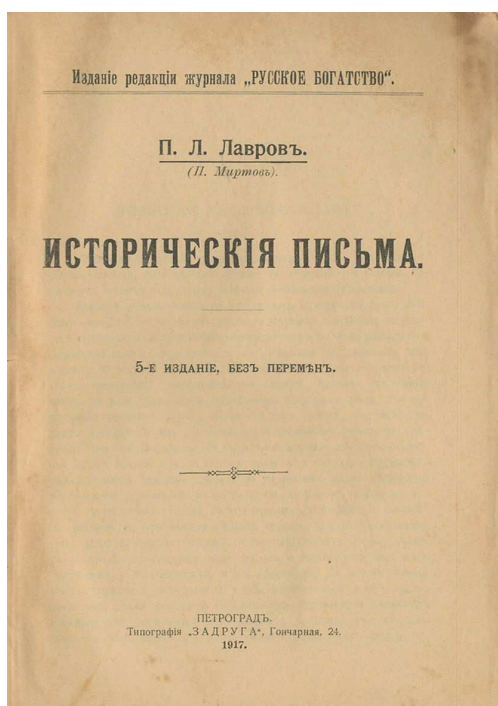
«Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости - вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом; и прибавлю, что я в этой формуле не считаю ничего мне лично принадлежащим, более или менее ясно и полно высказанная, она лежит в сознании всех мыслителей последних веков, а в наше время становится ходячею истиною, повторяемою даже теми, кто действует несогласно с нею и желает совершенно иного.

Понятия, входящие в эту формулу, я считаю вполне определенными и не допускающими различных толкований для всякого, кто добросовестно к ним относится. Если я ошибаюсь, то во всяком случае определение этих понятий, доказательство положений, входящих в эту формулу, и подробное ее развитие входят в этику, а не в теорию прогресса. Химические истины нечего доказывать в трактате о физиологии; истины этики нечего развивать, когда дело идет о их приложении к процессу истории. Предложенная формула, как мне кажется, при своей краткости, допускает обширное развитие, и, развивая ее, мы получим полную теорию как личной, так и общественной нравственности. Здесь я принимаю эту формулу за основание для последующего и прямо приступаю к рассмотрению некоторых условий, необходимых для осуществления прогресса в том смысле, который указан выше.

Развитие личности в физическом отношении лишь тогда возможно, когда она приобрела некоторый минимум гигиенических и материальных удобств, ниже которого вероятность страдания, болезней, постоянных забот далеко превосходит вероятность какого-либо развития, делает последнее долею лишь исключительных личностей, а все остальные обрекает на вырождение в ежеминутной борьбе за существование, без всякой надежды на улучшение своего положения.

Развитие личности в умственном отношении лишь тогда прочно, когда личность выработала в себе потребность критического взгляда на все, ей представляющееся, уверенность в неизменности законов, управляющих явлениями, и понимание, что справедливость в своих результатах тождественна с стремлением к личной пользе...

В современном обществе, проникнутом всеобщей конкуренцией, отождествление справедливости с личной пользой кажется бессмысленным. Действительно, лица, которые теперь наслаждаются выгодами цивилизации, могут наслаждаться ими, лишь приобретя богатство и увеличивая его. Но капиталистический процесс обогащения есть по самой своей сущности процесс обчитывания рабочего, процесс недобросовестной спекуляции на бирже, процесс рыночной торговли своими умственными способностями, своим политическим и общественным влиянием. Этот путь едва ли назовет справедливым самый завзятый софист, но он будет утверждать, что умственное развитие личности еще весьма слабо, когда личность ищет возможности согласить свою личную пользу со справедливостью. Он выставит иное положение: жизнь - борьба, и истинное умственное развитие заключается в том, чтобы быть достаточно хорошо вооруженным для постоянной победы в этой борьбе. Когда-то этому противопоставляли неудобства укоров совести; противопоставляли опасность при постоянной борьбе быть побежденным и тогда не иметь близ себя никого, кто поддержал бы в минуту несчастья; противопоставляли общественное презрение и общественную ненависть и т. п.

Все эти аргументы легко разбиваются современными теоретиками житейских наслаждений: укоры совести - дело привычки, и от них очень легко закалить себя, когда убедишься, что приобретаешь богатство путем законным и что ни один судья не может подвести наш поступок под статью Уложения о преступлениях и наказаниях; если огромное большинство конкурирует на законном основании за обогащение, за увеличение наслаждений, то это большинство чувствует не презрение, не ненависть к ловкому победителю в борьбе, а удивляется ему и преклоняется пред ним, стараясь подражать ему и выучиться у него; что касается до шансов поражения в постоянной борьбе, то, во-первых, богатство достаточных размеров в значительной степени обеспечивает от этих шансов, а, во-вторых, жизнь личности коротка и дело лишь в том, чтобы обеспечить себе наслаждение жизнью на срок этой жизни.

Итак, следует согласиться, что при настоящем строе общества личная польза не только не тождественна с справедливостью, но прямо противоречит ей. Чтобы иметь наибольшее количество наслаждений в настоящее время, личность должна заглушить в себе самое понятие о справедливости; должна обратить всю свою критическую способность на то, чтобы эксплуатировать все и всех ее окружающих для доставления себе наибольшей доли наслаждений на их счет, и должна помнить, что если она на минуту поддастся соображениям о справедливости или даже эффекту искренней привязанности, то она сама станет объектом эксплуатации от тех, которые ее окружают. Патрону приходится прижимать рабочего, или рабочий будет его обкрадывать. Семьянину приходится подозрительно надзирать за женою и детьми, или жена и дети будут его надувать. Правительству приходится иметь тысячеглазую полицию, или власть его захватят другие. Накопляй богатство, но держи ухо востро, потому что друг приносит тебе жертву, лишь рассчитывая на большие проценты; поцелуй, который дает тебе любовница, есть поцелуй покупной. Война всюду, и оружие должно быть готово против всех и в каждую минуту...

Имеет ли мы вообще право говорить в настоящее время о прогрессе человечества? Можно ли сказать, что для большинства 1400 миллионов, из которых состоит современное человечество, начальные условия прогресса уже осуществлены? Даже некоторые из этих условий осуществлены ли? И для какой доли из этих 1400 миллионов? И можно ли без некоторого ужаса подумать, во что обошлось несчастным миллионам погибших поколений осуществление прогресса для маленькой горсти личностей, которых историк может считать представителями цивилизации?

Я бы считал оскорблением для читателя, если бы усомнился на минуту в том, как он ответит на вопрос: осуществлены ли начальные условия прогресса? Здесь возможен лишь один ответ: все условия прогресса не осуществлены ни для одного человека и ни одно из них не осуществлено для большинства. Лишь небольшие группы личностей или отдельные личности оказывались иногда и кое-где в достаточно благоприятных обстоятельствах, чтобы завоевать себе какой-либо прогресс и передать традицию борьбы за лучшее другим маленьким группам, которым судьба тоже подарила несколько выгоднейшее положение. Всюду и всегда личности, выработавшие в себе какой-либо прогресс, должны были бороться с неисчислимыми препятствиями, тратить на эту борьбу самую значительную долю своих сил и своей жизни, чтобы только отстоять свое право на физическое, умственное развитие. Лишь при особенно выгодных обстоятельствах им это удавалось. Лишь при исключительном положении личностей борьба за существование не имела места, а время и силы шли на борьбу за увеличение наслаждений. Еще исключительнее было положение тех, которые воспользовались настолько совершившиеся за них борьбой других личностей, чтобы бороться за нравственное наслаждение сознательного развития в себе человеческих начал и воплощения их в общественные формы. И во всех этих случаях борьба требовала такой доли сил и жизни, что на самое осуществление цели борьбы оставалось и того и другого крайне мало, так что не мудрено, если человечество, даже в части; всего лучше обставленной, достигло еще столь немногого. Удивительно еще, что при столь невыгодных условиях некоторая часть человечества все-таки достигла чего-то имеющего право называться не осуществлением, а разве подготовлением правильного прогресса. Но зато как мала эта доля успешных? И чего это стоило остальным?».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1113038482116381>

КРИТИКА, ВЕРА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

«Да, вера двигает горы, и только она. В минуту действия она должна овладеть человеком, или он окажется бессильным в то самое мгновение, когда надо развить все свои силы»

П.Л. Лавров

В пятнадцатом разделе «Исторических писем» (1868-1869) П.Л. Лавров рассматривает соотношение критического отношения к жизни и веры, притом веру он понимает максимально широко. Согласно Лаврову, то, во что полностью поверил человек, уже не подвергается критике, однако предмет сегодняшней веры должен был быть вчера подвергнут критике – такая вера, то есть рациональная вера, является самой устойчивой. В отсутствие подобной критики, всегда есть вероятность того, что в самый ответственный момент основы веры могут пошатнуться. Лишь критика, согласно Лаврову, создает прочные убеждения. Эти рассуждения важны для «теории социальной деятельности» Лаврова. По мысли русского философа, критика подготавливает действие, а вера вызывает деятельность. Обратимся к выдержкам из работы Лаврова:

«Нет никакой необходимости связывать со словом вера представление о разнообразных религиозных культах, мифах, догматах или философских мирозерцаниях. Люди вследствие своей веры защищали и проповедовали мифы и догматы, совершали обряды разных культов, но это было лишь одно из приложений веры. Точно так же нет никакой необходимости связывать термин вера лишь с представлением сверхъестественного. Обиходная жизнь, природа и история в их разнообразии представляют весьма обширный материал для процесса веры; и тот, кто приобрел привычку относиться скептически ко всему, что не имеет аналогий в мире наблюдения, может быть очень склонен к вере.»

Вера есть психическая или внешняя деятельность, где присутствует сознание, но отсутствует критика. Когда мною овладело представление, которое я уже не разбираю, но которое ложится в основу разбора других представлений и понятий, я верю в это представление. Когда, по слову другого человека, я действую, обдумывая, как бы осуществить это слово, а не обдумывая уже, нужно ли осуществить его, я верю этому человеку. Когда я поставил себе цель и подвергаю критике лишь способы ее достижения, а не самую цель, я верю моей цели.

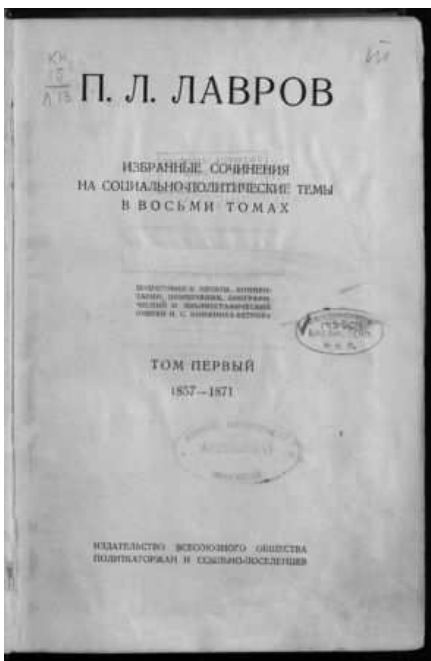
Поэтому сказать, что вера противоположна критике, можно, но в ограниченном смысле. То, во что человек верит, он уже не подвергает критике. Но это нисколько не исключает случая, что предмет сегодняшней веры был вчера подвергнут критике. Напротив, такова самая твердая вера и единственно рациональная, единственно прочная. Проверкою веры представляется действие в ту минуту, когда есть поводы действовать так или иначе; но если вера моя не есть следствие критики, т. е. не имела случая подвергаться возражениям, то кто мне поручится, что в минуту действия поводы, побуждающие меня действовать несогласно с этой верою, не пошатнут ее?

Лишь критика созидает прочные убеждения. Лишь человек, выработавший в себе прочные убеждения, находит в этих убеждениях достаточную силу веры для энергического действия. В этом отношении вера противоположна критике не по существу, а по времени: это - два разные момента развития мысли. Критика подготавливает деятельность, вера вызывает действие.

В фантазии художника объединился образ. Художник подверг его строгой научной и эстетической критике в его частностях. Эта критика выяснила ему все более и более художественные формы в их отделке. И вот цельный, живой образ встал перед мыслью художника. Он берет кисть или резец и воплощает свой идеал, потому что верит в его жизненность, в его красоту. Иначе деятельность его нерешительна и невдохновенна. Когда картина или статуя стали объективны, над ними может начаться новый процесс критики и художник, недовольный своим произведением, может быть, разрушит его. Но в процессе художественного творчества критика не участвует, а участвует вера в жизненность образа.

Ученый тщательно определил и взвесил факты. Невольно они группируются в его мысли в закон более или менее гипотетический. Другие факты, ему известные, сами собой возникают в его памяти как подтверждающие, дополняющие, расширяющие найденную научную аналогию. Он проверяет себя еще и еще. Критика сделала свое дело. Он убежден в полученной истине. И вот он входит на кафедру объявить ученикам новое приобретение науки. Он резюмирует опыт, предупреждает возражения, выставляет на вид аналогии и указывает новые вероятные открытия. В это время он уже не критикует, не колеблется: он верит в силу и полноту своей критики, он проповедует новую истину. Пока он не поверил, он не объявит ее именно потому, что ценит критику выше всего.

Человек сближается с другим человеком, видит его достоинства и недостатки; знает, насколько его приятель может увлекаться и может относиться рационально к различным предметам. В данную минуту, на основании слов приятеля, надо действовать так или иначе. Совершившийся заранее процесс критики дает результат. Человек верит или не верит своему приятелю. Он решает и действует на основании своей веры.

Жизнь и общественная история ставят перед человеком подобный же вопрос. Человек выработал идеалы истины и справедливости, развивался под влиянием этих идеалов и развивал их под влиянием накапливающегося опыта жизни и критического процесса мысли. Человек изучал культуру общества, его окружающего, работу мысли, в нем совершающуюся, и конкретный смысл различных девизов современных партий. Он признал не идеально совершенное, но исторически лучшее здесь, а худшее там. Он знает, что и здесь нет полной истины и справедливости, и там нет безусловного зла и лжи. Но он понял, что при данных исторических условиях борьба возможна с надеждой успеха лишь в союзе с данными партиями и что лишь данные партии могут одна у другой оспаривать победу. Одна из них лучше других, и прогресс в данную минуту возможен лишь путем ее победы. В ней наиболее истины, наиболее справедливости...

Еще сильнее и полнее процесс веры, одушевляющей личность к деятельности, совершается тогда, когда уступок делать не приходится, когда надо развернуть новое знамя и бросить в человечество новое слово. Общественное страдание и критическая мысль развили убеждение в личности. Она одинока или имеет весьма мало сочувствующих. Может быть, еще недавно волна истории разметала и унесла людей, которые боролись за то, что личность признает истиною и справедливостью. Вековые

культурные привычки и предания давят со всех сторон. Мысль враждебных партий имеет могучих, искусных и выгодно поставленных представителей. Как же случается, что личность не падает духом? Почему, сознавая свое малосилие, она не оставляет своего безумного предприятия? Что ее побуждает бросаться в борьбу, несмотря на препятствия, на индифферентизм большинства, на трусость одних, на подлость других, несмотря на насмешки врагов? Это дело веры. Критика привела человека к убеждению, что истина и справедливость здесь. Он верит, что истина и справедливость, явная для него, будет очевидна и для других, он верит, что мысль, одушевляющая его к деятельности, победит индифферентизм и враждебность, его окружающие. Неудачи не утомляют его, потому что он верит в завтра. Вековой привычке он противопоставляет свою личную мысль, потому что история научила его падению самых упорных общественных привычек перед истиною, в которую верили единицы. Закону, вооруженному всеми силами государства, он противопоставляет свое личное убеждение, потому что ни кодексы, ни государственные силы не могут сделать для него ложным и несправедливым то, во что он верит как в истину и справедливость. Умирая под ударами врагов или под гнетом обстоятельств, он все-таки завещает единомышленникам бороться и умереть подобно ему, если только верит в то, за что умирает».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1113846755368887>

ЦЕЛЬ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ

«Нравственный идеал истории есть единственный светоч, способный придать перспективу истории в ее целом и в ее частностях»

П.Л. Лавров

В заключительном разделе «Исторических писем» (1868-1869) П.Л. Лавров рассказывает о целях написания этой работы, затрагивая при этом более общий вопрос о цели изучения истории. По мнению Лаврова, историк относит действующие лица и факты истории к мерке своего развития. Хорошему историку важны те свойства личностей, которые он признает элементами достоинства: ум, ловкость, энергия, находчивость, сила убеждения и пр. По мысли Лаврова, человек не может, по законам своей мысли, искать в истории в целом ничего иного, кроме фазисов прогрессивного процесса своего нравственного идеала. Именно в этом состоит цель исторического исследования. Приведем выдержки из заключительной части работы Лаврова:

«Что мы ищем в истории? Неужели пестрый рассказ о событиях? На это уже немногие решатся ответить утвердительно, и те, которые ищут только этого, совершенно будут правы, если станут сетовать на отвлеченность предложенных им писем. Приступая к истории с более серьезными требованиями, в ней можно искать или борьбу личностей и обществ за человеческие интересы, столкновения за мнения, ослабление и развитие разных частных идеалов человека; или общий естественный закон, охватывающий все течение исторических событий, прошедшее, настоящее и будущее. Первая точка зрения обособляет интересы истории от интересов естествознания; вторая - подводит историю под общие начала исследования природы. Но в сущности для строгого исследования эти две точки зрения не очень разнятся между собою, потому что знание какого-либо предмета определяется не только тем, что желательно знать о нем, но тем, что о нем знать возможно. Поэтому вопрос: что можно искать в истории? - превращается в другой: каким образом, по неизменным законам своих психических отправления, человек может отнестись к истории? что в ней неизбежно ускользает от его научной оценки и может быть лишь призрачным явлением исторического построения? Только установив более или менее эту основу научного исследования, человек может с некоторою уверенностью прилагать к истории вопросы о том, что он желает знать от нас.

Но я постарался развить в самом начале положение, что для человека неизбежно внести в оценку исторических событий свою личную нравственную выработку, свой нравственный идеал. В борьбе личностей ему важнее всего те свойства личностей, которые он признает элементами нравственного достоинства: ум, ловкость, энергия, находчивость, сила убеждения, вера в те идеи, которые важны для исследователя, сознательное или бессознательное содействие их усилению или ослаблению в обществе.

В борьбе обществ и партий исследователю всего важнее опять-таки усиление или ослабление тех направлений мысли, которые для него как человека представляют лучшее или худшее, наиболее истинное или наиболее ложное. Охватывая в общем мирозерцании целый процесс истории в прошедшем и будущем, человек не может, по законам своей мысли, искать в истории ничего иного, кроме фазисов прогрессивного процесса своего нравственного идеала. Следовательно, пытаясь понять историю, внести в нее серьезный интерес мысли, человек неизбежно относит личности, события, идеи, общественные перевороты к мерке своего развития. Если оно узко и мелко, то история

представляет ему безжизненный ряд фактов и эти факты будут для него безынтересны и малочеловечны. Если развитие его односторонне, то самое тщательное изучение истории не предохранит его от односторонности в представлении исторических событий. Если он проникнут уродливым, фантастическим верованием, то он неизбежно изуродует историю, как ни будет стараться об объективном ее понимании. Во всяком случае при достаточном фактическом знании степень развития личности, ее нравственная высота определяет понимание истории. Частный исторический интерес, возбуждаемый теми или другими личностями, теми или другими событиями, сводится на общий интерес, возбуждаемый их участием в прогрессивном развитии человечества. Общий естествознательный интерес, возбуждаемый отыскиванием закона истории в ее целом, есть не что иное, как интерес осуществления нашего нравственного идеала в прогрессивном ходе истории.

Если это так, то мы ищем и можем искать в истории лишь различные фазисы прогресса, и понимать историю - значит понимать ясно способы осуществления нашего нравственного идеала в исторической обстановке. Наш идеал субъективен, но, чем лучше мы его проверим критикой, тем больше вероятия, что он есть высший нравственный идеал, возможный в настоящую эпоху. Мы прилагаем этот идеал к объективным фактам истории, и это не мешает им оставаться объективно верными, так как и тут верность их зависит от нашего знания и от нашей критики; субъективный же идеал придает им перспективу, и нет никакого другого способа построить эту перспективу, как при пособии нравственного идеала. Мне возразят, что есть иной способ и более верный: это - построить перспективу событий эпохи по их внутренней связи и по нравственному идеалу самой эпохи. Но что значит внутренняя связь? Что значит нравственный идеал данной эпохи?

Из тысячи пестрых фактов, нам известных о данной эпохе, мы строим связь, для нас вероятнейшую, на основании того, что мы сознали как наиболее истинные психические отправления личности, наиболее общие социологические явления в собрании личностей. Это есть для нас "внутренняя связь". Историк, развивший в себе понимание экономических вопросов для общества, найдет иную внутреннюю связь событий, чем тот, который остановился на понимании влияния политических интриг. Писатель, сознающий силу убеждений, увлечений и бессознательных самообольщений в личности, иначе свяжет события, чем писатель, привыкший все относить к расчету и хитрости.

А "нравственный идеал эпохи"! Почему мы собираем его черты из этих событий, а не из других, с ними рядом совершавшихся? Почему черпаем свидетельства преимущественно из этого автора, а не из его современника? Потому что эти события представляют более цельности, последовательности; потому что этот автор умнее, последовательнее, честнее, откровеннее своего современника. Но этим самым не высказываем ли мы наш нравственный идеал относительно наиболее значительных событий наиболее значительных личностей? Совершенно верно, что исторические события должны излагаться в их "внутренней связи", оцениваться по "нравственному идеалу эпохи", но эта самая внутренняя связь и этот нравственный идеал должны и

могут быть открыты путем выработки в нас самих идеала беспристрастной истины, исторической справедливости, и самая связь эпох и последовательных идеалов подлежит еще суду другой критики, именно критики исторического прогресса, т. е. нашего нравственного идеала в его целом. Оттого одной эпохе мы придадим более важности, чем другой; одни события в их внутренней связи разберем подробнее, чем другие. Повторяю: нравственный идеал истории есть единственный светоч, способный придать перспективу истории в ее целом и в ее частностях...

Ясно понять современный идеал - значит устранить из него все призраки, которые к нему приплели предания, ошибочные традиции мысли, вредные привычки прежних эпох. Истина и справедливость более или менее беспрекословно пишутся на всех знаменах нашего времени, но партии расходятся в том, где истина, в чем справедливость. Если читатель не пытался уяснить себе этого, то история останется для него неясным процессом сцепляющихся событий, борьбой хороших людей из-за пустяков, борьбой безумцев из-за призраков, борьбой слепых орудий в пользу нескольких расчетливых интриганов. Много громких слов раздается со всех сторон. Много прекрасных знамен развевается во всех рядах. Много самоотверженной энергии тратят представители всех партий. Из-за чего ссорятся люди, которых девизы, по-видимому, так близки? Почему знамя, которое несли вчера лучшие из них, сегодня в грязных руках? Почему прекрасная мысль при своем высказывании встречает такое грозное сопротивление? И почему сопротивляются ей не только эксплуататоры данного общественного строя, но искренние личности? Все эти задачи возможно разрешить лишь тогда, когда мы присмотримся внимательнее к тому процессу, которым развивается и укрепляется правда, к формированию и столкновению партий, к изменению внутреннего смысла и исторического значения великих слов,двигающих человечество, к процессу мысли, перерабатывающей культуру; когда мы изучим положение личностей ввиду необходимого и исторически данного; ввиду культурных привычек и сталкивающихся партий мысли; ввиду великих слов на знаменах партий и вечного требования истины, справедливости, прогресса; ввиду критики и веры».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1116388968447999>

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

«Где пламя взрыва пролетариата? Оно горит все ярче, оно развивается все шире под банками и биржами в сознании банкиров и биржевиков, под парламентами и министерствами в сознании ораторов порядка и министров-фокусников. Оно вспыхивает на каждом голодном трупе, который вскрывает озабоченная полиция. Оно выставляет свои длинные языки на каждом торжестве сытых, на которое молча смотрит оборванный рабочий. И знают сытые, что нечем залить этого пламени»

П.Л. Лавров

Среди богатого литературного наследия П.Л. Лаврова особое место занимает революционная публицистика. В 1875 году вышла статья «Парижская коммуна», посвященная событиям 1871 года. Лавров анализирует предпосылки этого феномена и причины неудачи революции. Также он дает наставления для будущих революционеров. Приводим выдержки из статьи:

«Великий день!.. Не странно ли называть великим днем зарю «третьего поражения пролетариата»?.. История человечества! — Кто помнит в пляшущем, торгующем, интригующем Париже 1875 г. те короткие дни, когда из парижской ратуши провозглашалось «социальное возрождение», «конец монополий и привилегий»? Не разметаны ли на все ветры немногие живые представители этих дней? Не сгнили ли давно изуродованные трупы остальных? Не продолжается ли империя Наполеона III в гнилой республике Тьеров и Мак-Магонов? Дозволительно ли сказать, что волна истории человечества сохранила в своих грязных современных отливах хотя бы микроскопический остаток двухмесячного эпизода, который с отвращением называют современные люди порядка «безумием и преступлениями» Коммуны? Где красное знамя социальной революции? Где пламя взрыва пролетариата? Не повторяем ли мы в честь наших друзей, наших героев, наших идолов те избитые, выдохшиеся фразы, которыми в былое время и в настоящем легитимизм прославлял и прославляет героев лурдских видений и белой лилии, бонапартизм — героев мошенничества и нежной фиалки, всякая раздавленная, забытая, окаменелая партия минувшего — своих эфемерных лилипутов-героев, своих мгновенных идолов-божков, проглоченных бессознательно гигантом истории?»

Фразы? — Посмотрите на бледные лица версальских убийц; прислушайтесь к яростным воплям французской и всемирной буржуазии при одном напоминании о Парижской коммуне, и в искаженных чертах палачей, в хрипе клеветников вы узнаете, были ли так малы эти раздавленные пролетарии, которые заставляют до сих пор дрожать законодателей громадных держав, царей, биржевого и промышленного капитала.— Где красное знамя социальной революции? Оно развевается во всю свою ширину перед мыслью Мак-Магонов и Бисмарков, Дизраэли и Александров, и им никуда не укрыться от кровавого блеска этого вечно присутствующего пред их глазами, все растущего символа завтрашней их судьбы...

Трудно бывает иногда отличить мишурного героя минуты от скромного строителя прочного будущего. Но есть мгновения достаточно знаменательные, чтобы невозможно было их смешать с обыденным ходом вещей, мгновения, перед которыми останавливается мыслитель наравне с обыденным зрителем. Последний поражен в них резкими внешними чертами, общими со многими другими заурядными явлениями.

Мыслитель видит в них совершающийся акт метаморфозы человечества, изредка доступной глазам исследователя.

И потому 18-е марта не может, не должно быть забыто. Потому Парижская коммуна 1871 г. врезала в истории человечества след более крупный, более неизгладимый, чем Наполеоны и Веллингтоны, чем Ватерлоо и Садова.

Врезали след не люди... Они были ниже своих ролей. Врезала след не геройская борьба на баррикадах, не мужество перед пулями версальских палачей... За самые пошлые знамена люди умели биться геройски; из-за самой нелепой идеи умирали без страха мученики.

Врезала след та идея, которая бессознательно для действующих лиц воплотилась в страшной драме. Врезал след урок будущему, вынесенный из перипетий этой драмы.

Без пролетариата не могли происходить никакие революции, кроме дворцовых; а ряд царубийств, замен одних «богопомазанников» другими, подобный тому, который дали петербургские Романовы в восемнадцатом веке, вовсе не входит в историческое революционное предание. Без пролетариата не могли происходить никакие революции, но все революции, произведенные до 1871 г., были произведены лишь с помощью пролетариата. Произвела их буржуазия, и пролетариат служил ей лишь орудием...

Революция 1871 г. в первый раз в истории решилась с самого начала поставить в своей главе «неизвестных людей» из народа. Парижская коммуна 1871 г. была первой организацией общества, во главе которой стояли Франкели, Варлены, Тейссы, Пенди, Клеманы и другие работники физического труда, и при всех ошибках, при всех несовершенствах управления Коммуны они доказали, что рабочий класс может выставить для распоряжения общественными делами лиц, которые нисколько не хуже распорядятся ими, чем работники интеллигенции, считавшие до тех пор администрацию

своею специальностью. Мы не имеем никакой причины восхвалять законодательство Парижской коммуны само по себе, как орган рабочей революции, но сравнительно с декретами, вышедшими из парламентов и министерств, наполненных тщательно выращенными, выхоленными и дрессированными политическими людьми, законодательство Коммуны едва ли может заслужить какое-либо порицание: переплетчики, слесаря, золотых дел мастера оказались настолько же годными для этого дела, как и воспитанники различных лицеев и специальных школ, выросшие в сфере дельцов и политиков. Парижская коммуна в свое короткое существование окончательно уничтожила иллюзию, что буржуазное развитие дает какое бы то ни было превосходство в отношении руководства общественными делами; иллюзию, что пролетариат на другой день после победы все-таки будет нуждаться в интеллигенции побежденных буржуа и все-таки должен будет поставить в своей главе тех, против которых восстает. Теперь можно повторить на основании опыта то, что можно было прежде сказать лишь на основании логических соображений: рабочий класс для своих революций и для постройки своего будущего общества не нуждается в людях, к нему не принадлежащих...

«Мир и труд!» — провозглашала Коммуна в первом своем заседании. «Пусть наконец воцарится мир...» — говорила она в воззвании к французскому народу. И это были не только слова официальных документов. Руководители Коммуны действительно пытались во все время ее существования успокоить буржуазию, примириться с ее представителями в Париже, установить мир между трудом и капиталом, между парижским пролетариатом и версальскими палачами, между обездоленными рабочими и царями биржи.— Мир?! — Да, мир есть дальняя, весьма дальняя цель социальной революции. Да, установится мир между общинами и секциями рабочих будущего общества, вся жизнь которого будет всестороннее развитие личности и человечества.— Но где же сегодня элементы мира? Может ли эксплуататор, живущий потом и кровью работника, примириться с тем, что он будет лишен всех позорных средств своего существования? Имеет ли право рабочий примириться с палачами братьев? — Нет и не может быть мира между буржуазией и пролетариатом. Нет и не может быть мира между нынешним государством и «социальным возрождением». Буржуазия это знает, и государство это знает...

И вот воспоминания, вот великое значение, вот исторические уроки Парижской коммуны 1871 г.

Рабочие не нуждаются в людях господствующих классов и могут одни создать свое общество со всеми его практическими требованиями. Рабочие имеют не только право одни составить человечество — они и могут одни составить его.

Революция пролетариата должна быть прежде всего революция социальная, а союз между социальной революцией и старым якобинством ведет к самоубийству социализма.

Нет и не может быть мира между пролетариатом и буржуазией, между растущим обществом будущего и гнилыми развалинами прошедшего. Они должны бороться на смерть, чтобы наступил мир в будущем обществе».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1117239281696301>

СОЦИАЛИЗМ И БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ

«Социалистическое общество должно быть обществом солидарных личностей, связанных сознательно готовностью пожертвовать личным наслаждением для общего блага. Подобное общество, по всем естественным и историческим аналогиям, должно иметь большие шансы в борьбе за существование с обществами эгоистических и конкурирующих одна с другой личностей, пока эти два типа обществ будут стоять рядом»

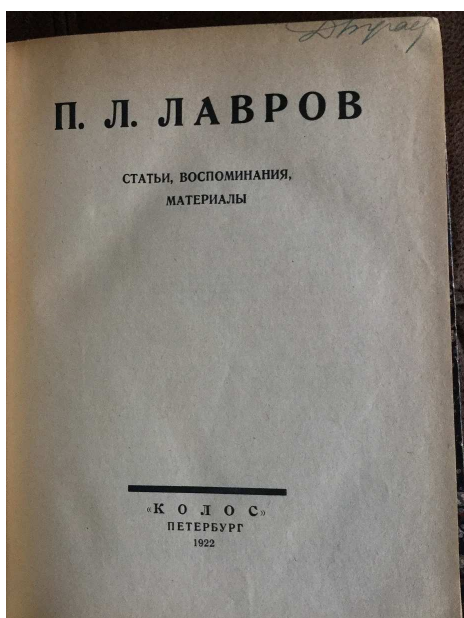
П.Л. Лавров

В статье «Социализм и борьба за существование» (1875) П.Л. Лавров развивает мысль о том, что закон борьбы за существования, будучи реализован в полной мере, должен парадоксальным образом привести к обществу социалистического типа. По мнению Лаврова, социализм не отрицает всемирную борьбу за существование, но он ведет к сплачиванию больших групп людей для большего успеха в этой борьбе. Он распространяет требование солидарности на все человечество и требует прекращения борьбы за существование внутри человечества. В таком случае борьба за существование, по мысли Лаврова, трансформируется в борьбу со всеми нерациональными инстинктами и привычками органического мира, чтобы этот мир довести до высшей ступени гармонического развития. Обратимся к тексту статьи:

«Социализм не отрицает всемирную борьбу за существование, но он продолжает традицию сплачивания возможно больших групп солидарных личностей для большего успеха в этой борьбе. Его особенность заключается лишь в том, что он распространяет требование солидарности на все человечество и требует прекращения борьбы за существование внутри человечества, как давно она уже прекратилась в кружках людей, связанных личной привязанностью, как государственники требовали прекращения борьбы внутри государства, как христиане хотели прекратить ее внутри церкви верующих. Когда социализм достигнет своей цели, тогда человечеству, сплоченному всеобщей солидарностью, предстоит последний и высший фазис борьбы за существование в органическом мире, фазис борьбы со всеми нерациональными инстинктами и привычками органического мира, чтобы этот мир, лежащий вне человечества, довести до высшей ступени гармонического развития, которая допускается возможностями, заключенными в этом мире.

Социализм есть высший фазис нормального исторического развития борьбы за существование. Ему подготовлением служили явления инстинктивной солидарности и прочувствованной солидарности между особями группы. Его история началась с первого момента сознанный солидарности людей во имя общей идеи, во имя нравственного начала. Он сам себя создал как социализм с этой минуты, когда создал, что начало монополии во всех человеческих отношениях, аффективных, политических, экономических, есть начало, отрицающее солидарность и не допускающее ее установления, когда объявил войну монополии во всех ее формах. Он стал практической возможностью, когда буржуазная конкуренция подорвала все сознанные начала солидарности прежнего времени, допускающие монополию, и свела все человеческие отношения на экономическую борьбу. Он стал исторической силой, когда нашел в рабочем пролетариате всех стран элемент солидарности будущего человечества, способный обойтись без прежних путей церковного и государственного порядка, способный сделаться почвою сознательного общечеловеческого союза и всестороннего развития личности.

Не раз высказанное мнение, что "уничтожение права частной собственности" повело бы к ослаблению "социального инстинкта", а "прекращение конкуренции" вызвало бы "атрофию умственных и других способностей", находится в прямом противоречии с фактами зоологии, антропологии и истории. Самый сильный социальный инстинкт среди животных мы находим в общинах пчел и муравьев, где нет ни малейшего обособления собственности, где конкуренция внутри улья или муравейника совершенно отсутствует, и при этом даже беспозвоночные развили в себе умственные способности до того, что порою удивляют человека. Самое элементарное антропологическое наблюдение указывает, что сила семейной и дружественной связи (т. е. социальный инстинкт, связующий семью или дружеский круг) обуславливается тем, чтобы в семье или в дружеском кругу все было общее и никакие расчеты моего и твоего не вносили элемента разлада в эту солидарную общину; самое элементарное наблюдение говорит, что всестороннее развитие способностей и деятельности членов семьи или дружеского круга может быть лишь парализовано или атрофировано, если члены этих общин конкурируют между собою, как бы каждому захватить большую долю наслаждений и получить эксплуатировать всех других ввиду личного интереса. Наконец, в каком же учебнике, в каких прописях не повторялся изъезженный исторический вывод, что государство сильно и крепко лишь тогда, когда все подданные готовы жертвовать всеми благами жизни и самую жизнь для государства (т. е. подчинять начало частной собственности и личного наслаждения общему делу); что государство разрушится, когда его подданные борются между собою из-за личных интересов (т. е. конкурируют внутри государства). Странно было бы, если бы отсутствие разъединяющих интересов частной собственности и отсутствие конкуренции внутри группы, благотворное для улья, для аффективного союза лиц, для государства, вдруг стало бы разрушительным и смертоносным для человечества вообще. Если признать это заключение логическим, то надо во всяком случае сказать, что оно противоречит всякой обыкновенной логике науки.

Социалистическое общество должно быть обществом солидарных личностей, связанных сознательно готовностью пожертвовать личным наслаждением для общего блага. Подобное общество, по всем естественным и историческим аналогиям, должно иметь большие шансы в борьбе за существование с обществами эгоистических и конкурирующих одна с другой личностей, пока эти два типа обществ будут стоять рядом. Поэтому естественный подбор должен повести к победе социалистических обществ, а не к истреблению их, и социалисты готовы согласиться, что в этом случае "естественный подбор есть самое лучшее средство для решения социальных вопросов"). Если неизбежный "закон природы" заставляет победителей идти вперед по трупам побежденных, то социализм пройдет к солидарности человечества по трупам врагов этой солидарности, потому что он один прав в последней борьбе. Среди различных рабочих организаций путем естественного подбора переживут, разрастутся и втянут в себя всех других те организации, тип которых представит наиболее шансов победы в борьбе за права пролетариата, те, которые будут заключать в себе наиболее элементов солидарности. Последняя борьба за существование между буржуазией, неспособной к солидарности, и сплоченным пролетариатом должна и фатально, и по праву кончиться в пользу последнего.

И тогда будущее человечество рабочего социализма будет развиваться безо всякой помехи внутренней конкуренции при взаимной поддержке всеобщего братства... Но самое существование связующей любви отрицают современные мыслители. "Режьте друг друга, - говорят они людям, - но не лгите, что вы любите друг друга". Эти близорукие наблюдатели не могут и не хотят видеть те самые факты, которые подрывают все их теории и позволяют социалистам с уверенностью смотреть в будущее. Эти жалкие "ученые" не умели даже счесть те изумительные суммы денег, которые уже теперь жертвует по копейке полуголодный, измученный работой пролетарий для пособия лишенным работы братьям, которых он не знает лично, которые страдают за сотни верст от него, входят в состав другого государства, говорят на другом языке, но которые все-таки братья ему, потому что работают, голодают так, как он, притеснены так, как он, борются против тех же врагов - против капитала и государства, и с которыми этот "невежественный", подавленный ежедневными заботами пролетарий сознает свою солидарность в борьбе за будущее. Если бы факты связующей любви и не были записаны совершенно ярко в зоологии и антропологии, то достаточно было бы приглядеться к современной истории пролетариата, чтобы убедиться, насколько прочувствованная и сознанная солидарность его может быть живою основой будущего общества.

Фатальный закон борьбы за существование должен был вести человечество к выработке социализма и должен привести к его победе. Фатальный закон естественного подбора наиболее способных пережить составляет именно ручательство победы социализма. Великие открытия Дарвина, за которые с такою жадностью уцепились буржуазные мыслители, думая на них построить "научную" теорию вечной конкуренции между людьми и вечного эксплуатирования одних другими, при внимательном изучении служат лучшею научною опорой социализму и лучшим доказательством того, что лишь солидарность человечества, требуемая социализмом, может обеспечить будущность развития человечества».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1118074791612750>

УЧЕНИЕ О СОЦИАЛИЗМЕ

«Будущее принадлежит не хищникам, поедаящим и уничтожающим все около себя, поедаящим друг друга в вечной борьбе за более вкусный кусок, за награбленное богатство, за господство над массами и за возможность их эксплуатировать. Оно принадлежит людям, ставящим себе человеческие цели взаимного развития, цели теоретической истины и нравственной правды, людям, способным действовать вместе, сообща для общей цели, для общего блага, для общего развития, для воплощения в жизнь и общественные формы высших человеческих идеалов»

П.Л. Лавров

В философии Лаврова центральное место занимает его учение о социализме. Почти все его работы начиная с «Исторических писем» прямо или косвенно связаны с идеей социализма. Это не случайно, ибо смыслом революционной борьбы, по мнению Лаврова, мог быть только социализм. Больше того, социализм для Лаврова — это естественный и закономерный результат исторического развития общества. Все высшие побуждения и нравственный процесс человечества он неизменно связывал с наступлением нового общественного строя. Представления о социализме сложились у Лаврова под влиянием учения Герцена, западноевропейских утопических школ и теоретиков русского утопического социализма. Взгляды Лаврова анализируются в статье М. Седова «П.Л. Лавров в революционном движении России». Приводим выдержки оттуда:

«Наличие элементов аполитичности — характерная черта лавризма. Объяснить это можно тем, что Лавров являлся выразителем интересов крестьянства, которое проявляло в то время известное политическое безразличие.

Как уже отмечалось, Лавров испытал на себе воздействие Парижской коммуны, а также работ К. Маркса и Ф. Энгельса. Все названные идейные истоки легко обнаруживаются в публицистике и научных трудах П.Л. Лаврова. Здесь, однако, сразу же надо оговориться: разнообразие теоретических влияний не лишило точку зрения Лаврова на социализм оригинальности и стройности. Слагаемыми социализма он считал трудовую деятельность всех граждан согласно их способностям и экономическое благосостояние каждого в зависимости от результатов труда. Другими словами, знаменитое положение сенсимонистов, сформулированное в 1830 г., — «от каждого — по его способностям, и каждому — по его делам» — было полностью усвоено и принято Лавровым. Причем подчеркивалась особая важность экономической стороны дела:

«В основании всякого общественного прогресса лежит улучшение экономическое. Без него свобода, равноправность, либеральное законодательство, широкая программа обучения составляют пустые слова. Нищета есть рабство, как бы ни называли нищего — свободным или крепостным... Самые превосходные конституции суть насмешка над народом, если пауперизм лишает его самостоятельности. Самые прогрессивные революции не улучшат ни на волос общественного положения, если они не коснулись экономических вопросов».

Еще одним слагаемым социализма П.Л. Лавров считал равные условия для образования и культурного развития всех граждан. При социализме не может быть привилегий национальных, социальных, расовых и т.д. Люди равны между собой, они

братья. Таким представлялся Лаврову идеал общественного строя, то есть социализм. Он говорил:

«Равенство... вовсе не заключается в совершенном тождестве всех человеческих особей, а в равенстве их отношений между собой... Известная специализация занятий, названная Адамом Смитом разделением труда, может существовать, если только она окажется необходима или полезна, но необходимо, чтобы эта специализация не влияла на отношения людей вне работы, чтобы она не вела к сословности и кастам, к разделению людей на чистых и грязных, на простых и непростых и, что в особенности важно, — на тунеядцев и работающих, на эксплуататоров и эксплуатируемых».

Что касается политических форм устройства общества при социализме, то Лавров не дал на этот счет сколько-нибудь определенного ответа.

Представляется чрезвычайно важной мысль П.Л. Лаврова о том, что народные массы сами по себе не могут выработать социалистической идеологии. Она должна быть внесена извне. Лавров был уверен в том, что такие эпохи, в которые могли возродиться движения типа крестьянских войн под руководством Разина и Пугачева, ушли в неповторимое прошлое. Новое пробуждение возможно только как результат идейного воздействия революционных элементов на массы. Сама же пропаганда должна опираться на точность фактов, научность критики и абсолютную честность, ибо «ложь есть преступление» во всяком революционном деле. Лавров считал, что социализм — «результат исторического развития, результат истории мысли. Потому именно она не может выработаться сама в массах, из их элементарного здравого смысла. Она может и должна быть внесена в массы». Приведенные слова свидетельствуют о том, какую громадную роль отводил П.Л. Лавров социалистически настроенной интеллигенции, несшей новое мировоззрение в народ...

Несмотря на множество ярких и выразительных суждений о социализме и необходимости его победы, лавризм остался утопией, поскольку не принимал в расчет рабочего класса, как единственного последовательного борца за социализм; в связи с этим он не выходит за рамки допролетарского социализма. Вместе с тем нельзя забывать, что идеи равенства служили в то время лозунгом революционной борьбы и в этом смысле имели громадное значение.

После того как выработан идеал, нужно отыскать средства для его осуществления. Такие средства могут быть многообразны, но решающим из них, по мысли Лаврова, являлась революция. Она исторически неизбежный и незаменимый рычаг социального преобразования. При этом следует подчеркнуть, что П.Л. Лавров был сторонником далеко не всякой революции; его занимала революция народная.

«Цель революции, — писал он, — заключается в установлении справедливого общежития, т.е. такого, где все будут иметь одинаковую возможность наслаждаться и развиваться и все будут иметь одинаковую обязанность трудиться».

И еще: «Перестройка русского общества должна быть совершена не только с целью народного блага, не только для народа, но и посредством народа».

То обстоятельство, что в России не было сильной и организованной буржуазии, Лавров считал положительным явлением для грядущей социальной революции:

«Наша буржуазия поземельных собственников, торговцев и промышленников не имеет политической традиции, не сплочена в своей эксплуатации народа, сама страдает от притеснений администрации и не развила в себе исторической силы».

Революция, по мнению Лаврова, наступает тогда, «когда в среде масс вырабатывается интеллигенция, способная дать народному движению организацию, которая могла бы устоять против организации их притеснителей; или когда к массам является на помощь лучшая часть общественной интеллигенции и приносит народу результаты выработанной поколениями мысли, накопленного веками знания».

Поскольку условия русской жизни исключают возможность появления интеллигенции непосредственно в народной среде, на первый план сама собой выдвигалась идея союза существующей уже интеллигенции с народом: «Только союз интеллигенции единиц и силы народных масс может дать эту победу».

Однако подобного рода союз не возникает сам собой. Он может быть, по мысли П.Л. Лаврова, только результатом длительной и настойчивой работы и борьбы».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1118836431536586>

ВЛИЯНИЕ НА НАРОДНИЧЕСТВО

«Революционер — не тот, кто становится революционным при наступлении революции, а тот, кто при наибольшем разгуле реакции, при наибольших колебаниях либералов и демократов отстаивает принципы и лозунги революции»

П.Л. Лавров

П.Л. Лавров был одним из идеологов и сторонников народнического движения. Он верил в творческий союз интеллигенции и народа. Такой союз должен быть результатом длительной и настойчивой работы и борьбы. По мнению Лаврова, нужно, прежде всего, пробиться к народу, овладеть его вниманием и интересами, пробудить в нем чувство поиска и стремления к борьбе. Самым большим препятствием на этом пути, согласно Лаврову, является забитость и инертность масс. Нужно преодолеть это препятствие, сблизиться с народом, а отсюда лозунг — идти в народ, чтобы пробудить его. Влияние идей Лаврова на народническое движение анализируется в статье М. Седова «П.Л. Лавров в революционном движении России». Приводим выдержки оттуда:

«Обоснованная и развитая Лавровым идея «опрощения» интеллигенции для сближения с народом во имя осуществления революционных преобразований представляется явлением, безусловно, исторически интересным. С чем идти в народ и что ему нести — вот один из главных вопросов, который ставил журнал «Вперед». Главная задача поселенцев, оказавшихся в гуще народа, состоит в том, чтобы,

«слившись с народной массой... образовать энергический фермент, при помощи которого поддерживалось бы и росло существующее в народе недовольство своим положением, фермент, при помощи которого начиналось бы брожение там, где его нет, усиливалось бы там, где оно есть».

Если легальные пути улучшения положения масс закрыты, «то остается один путь — путь революции, одна деятельность — подготовка к революции, пропаганда в пользу ее», и «честный, убежденный русский человек в наше время может видеть спасение русского народа лишь на пути радикальной, социальной революции». Приведенные слова не оставляют сомнения в том, зачем Лавров призывал молодежь идти в народ, какие ставил перед ней задачи... Осуществление революционных замыслов Лавров не мыслил без серьезной организации подпольного движения внутри России. Для него революционное подполье было не чем иным, как ответом молодой России на реакционные действия правительства.

Произведения Лаврова широко использовались участниками революционного движения. Достаточно напомнить, что они фигурировали чуть ли не во всех политических процессах тех лет. Но, несмотря на созвучие основных идей издания «Вперед» с потребностями общественного движения, в революционной среде вызревали новые тактические и стратегические планы. После неудачи похода в народ и разгрома подпольных организаций начала 70-х годов в России сложилась новая ситуация. Победа реакции настойчиво требовала незамедлительной переориентировки революционных сил. Ощущалась потребность в изменении и задач и форм движения. К журналу «Вперед» как теоретическому органу предъявлялись новые требования. В движении интеллигенции явно обнаружился уклон в сторону чисто народническую в том специфическом понимании народничества, которое уже сложилось к моменту образования «Земли и воли».

«Вперед» и впередовцы не разделяли эту новую тенденцию и по-прежнему признавали пропаганду идей социализма главной задачей дня. Возникла потребность обсудить новые вопросы. Съезд представителей революционных групп России, связанных с изданием П.Л. Лаврова «Вперед», открылся в Париже в начале декабря 1876 года. К сожалению, об этом интересном событии, происходившем в момент смены ориентации и лозунгов, известно крайне мало... Лавров не назвал всех участников съезда. Он писал об этом так:

«Остальных лиц, присутствовавших на съезде, я не называю, так как для большинства их мне неизвестно, насколько сообщение их имен могло бы еще им повредить, для некоторых же, и из самых влиятельных, я знаю, что им удалось во все годы погрома не подвергаться преследованиям, и они теперь фигурируют в роли мирных и благонамеренных обывателей».

Съезд показал, что взгляды делегатов далеко не совпадали с тем, что пропагандировал «Вперед». Отчеты с мест содержали решительную критику позиции Лаврова. Прежде всего признавалось, что нельзя в революционной деятельности ограничиваться пропагандой идей социализма. Требуется пропаганда примером. Для этих целей необходима централизованная организация революционеров, способная возбуждать протест и руководить движением, направляя его в определенное русло. Другими словами, революционное движение становилось на новые рельсы. Землеволецтво стало новой формой народничества.

Выступления на съезде насторожили П.Л. Лаврова. К носителям новых идей он отнесся с большим недоверием и даже подозрительностью. В письме товарищу из Киева П.Л. Лавров указывал:

«Я чувствую необходимость быть уверенным, что мы действительно сходимся в наших идеалах социально-революционной деятельности; что пропагандисты, идущие под одним знаменем со мною, действительно пропагандируют, т.е. вербуют, группируют и организуют революционные силы, а не ограничиваются факторством, распространением книжек и брошюр, нисколько не думая осуществить то, что говорится в последних, нисколько не пытаясь расширить и освежить свой кружок новыми силами, но, напротив, делая из него закрытый кружок кумовства и монополии. Прежде чем я войду в явную связь с кружками, предоставляя им издание и распространение моих произведений, мне надо знать, могу ли я принять на себя нравственную ответственность за их деятельность в России».

Особую озабоченность и неудовлетворенность Лавров выражал по отношению к кружку в Петербурге. Он писал:

«При решениях, принятых на съезде в декабре 1876 г., мое единственное желание было стоять в стороне от кружка петербуржцев, не вредя в то же время продолжению дел».

Петербургский кружок, как известно, делал упор на пропаганду и агитацию в народе, а не в среде интеллигенции и хотел придать своей пропаганде характер открытой борьбы.

Решения парижского съезда оказались неожиданностью для Лаврова и определили поворот в его политической жизни. Он отказался от редактирования «Вперед» и порвал

связи с подпольем Петербурга. С возникшей в конце 1876 г. в Петербурге новой организацией «Земля и воля» П.Л. Лавров не имел прямых контактов, да и землевольцы не проявили в этом отношении инициативы. С этого времени в революционном подполье севера России решительно победили идеи и тактические установки Бакунина. Но, несмотря на это, казалось бы, безусловное поражение, П.Л. Лавров никогда не переставал оказывать влияние на революционное движение в России.

Перелом в революционном движении, который выразился в распаде «Земли и воли» и образовании «Народной воли» и «Черного передела», а также в обострении политической обстановки внутри страны, отразился и на позиции Лаврова. Движение землевольцев мало касалось его, но деятельность народовольцев овладела всем его вниманием и увлекла его. Далеко не сразу, после критического разбора программы «Народной воли» П.Л. Лавров увидел в народовольчестве большую силу, выражающую народный протест и народные идеалы. В свою очередь, и для народовольцев было небезразлично, на чьей стороне находился Лавров, с которым всегда считалось русское революционное подполье. Исполнительный комитет установил с ним контакты и возложил на него представительство интересов «Народной воли» за пределами России. П.Л. Лавров выполнял это ответственное поручение с исключительной добросовестностью, понимая важность данной миссии. Ему часто удавалось склонить общественное мнение Европы в сторону народовольцев... П.Л. Лавров, по существу, оказался одним из самых последовательных защитников идеологии «Народной воли». Он глубоко верил в то, что народовольчество являлось тогда наиболее прогрессивной формой борьбы с царизмом и что оно подняло на небывалую высоту престиж русского революционера. П.Л. Лавров решительно выступал против тех, кто отождествлял народовольчество с терроризмом. Надо отличать, говорил он, принципиальную сторону народовольчества от тех форм, в которые оно может выливаться при известных исторических условиях».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1119648021455427>

ПОЗДНИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА

«Мы, русские люди всех оттенков любви к народу, всех способов понимания его блага, должны работать каждый на своем месте своим орудием, стремиться к одной цели, общей над всем и специальной для нас, русских»

П.Л. Лавров

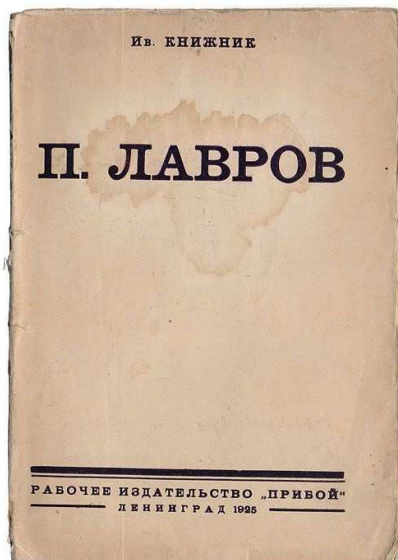
После роспуска «Народной воли» в 1887 году П.Л. Лавров перестал принимать активное участие в революционном движении, хотя он и продолжал считать народолюбчество наиболее приемлемой формой борьбы. В поздний период творчества Лавров занимается литературной критикой, пишет критическое исследование об учении Толстого. Этот период его литературной деятельности рассмотрен в статье М. Седова «П.Л. Лавров в революционном движении России». Приводим выдержки оттуда:

«П.Л. Лавров следующим образом определил свое отношение к политическому террору: “Террор есть оружие крайне опасное и остается опасным в России; тяжелую ответственность берут на себя те, которые к нему прибегают. Исполнительный комитет „Народной воли“ взял на себя эту ответственность и был поддержан долго общественным мнением в России, привлек к себе значительное число живых ее сил. Ошибался он или нет, я судить не решаюсь, так как окончательная неудача не есть доказательство ошибки в теории”.

После гибели «Народной воли» ошибки ее обнаружили более или менее ясно. К ним справедливо относили и чрезмерное увлечение террором. Но Лавров продолжал считать народолюбчество наиболее приемлемой формой борьбы. Он не сумел понять, что изменение условий требовало и новых форм борьбы. То, что было действительно революционно вчера, сегодня становилось ошибкой...

Подобного рода диалектика идей и лозунгов оказалась чуждой Лаврову. Именно поэтому он многое недопонимал, отрицательно относился к плехановской группе «Освобождение труда», долгое время не видел ни возможностей, ни перспектив в развитии социал-демократического движения. Только в конце жизни он преодолел эту ошибку.

Важно отметить, что в то время, когда казалось, что реакция полностью восторжествовала, когда революционное подполье было подавлено со страшной жестокостью, Лавров продолжал борьбу... Главным поприщем Лаврова в это время стала литературная деятельность, критика упадочнических теорий и реакционных доктрин. Этим целям служили многие его выступления и прежде всего приобретающая большую популярность статья «Учение гр. Л.Н. Толстого». Статья развивала идеи и традиции демократической печати о Толстом. Насколько высоко демократическая печать ставила Толстого как писателя, настолько критически относилась она к его учению и деятельности проповедника. Вышедшие в конце 70-х — начале 80-х годов произведения Толстого «Исповедь», «О непротивлении злу», «В чем моя вера», «Хозяин и работник» и другие несли опасные для общественного прогресса идеи. Содержащиеся в этих произведениях теоретические положения, советы и мысли о нравственности В.И. Ленин называл «противореволюционной стороной учения Толстого». П. Л. Лавров с подобающей для данного случая решительностью выступил с последовательной критикой всей системы философских взглядов Толстого.

Это выступление было важным еще и потому, что после закрытия «Отечественных записок» толстовство не подвергалось критическим оценкам с позиций революционного демократизма. Лавров видел в толстовстве явление временное и определял его как своего рода болезнь. Борьба с болезненными явлениями общественной жизни усложнялась расстройством революционного подполья, разбродом в его рядах. Выражением этого стало открытое ренегатство Л. Тихомирова, долгое время славившегося за выдающегося революционера. Его брошюра «Почему я перестал быть революционером?», усердно распространявшаяся полицией по всей России, производила тяжелое впечатление. В этой обстановке Лавров оказался на высоте. Он объяснил причины падения Тихомирова и с еще большей настойчивостью продолжал внедрять в сознание молодежи веру в неизбежность революции и ее

неотвратимую победу. Его пропаганда тех лет, работы периода реакции полны оптимизма, уверенности в том, что в России есть силы, которые ее обновят.

В 1892–1896 гг. П.Л. Лавров принял участие в издании сборников «Материалы для истории русского социально-революционного движения» и поместил в них свои статьи «История социализма и русское движение» и «Народники 1873–1878 гг.». В легальной печати под различными псевдонимами он выступал в нескольких изданиях, но особенно много его корреспонденции и статей было напечатано в «Русских ведомостях», одной из самых прогрессивных газет того времени. На закате жизни, в конце 90-х годов, П.Л. Лавров подготовил несколько работ, которые вышли под псевдонимами «С. Арнольди» и «А. Доленги». Среди них надо отметить «Задачи понимания истории», «Кому принадлежит будущее», «Насущные вопросы». Главная мысль всех этих работ выражена в следующих словах:

«Мы, русские люди всех оттенков любви к народу, всех способов понимания его блага, должны работать каждый на своем месте своим орудием, стремиться к одной цели, общей над всем и специальной для нас, русских. Здесь грозная обязанность лежит на русской молодежи, готовой вступить в XX век и которой предстоит создать историю этого века».

П.Л. Лавров умер 25 января 1900 г. в Париже и был похоронен на Монпарнасском кладбище...

С именем П.Л. Лаврова связано целое направление общественного развития пореформенной России. Его работы послужили делу революционного воспитания народа и во многом сохраняют научное значение и в наше время, хотя мировоззрению П.Л. Лаврова не была присуща диалектика. Для него была характерна абстрактность мышления, доктринерство в выводах, оторванность от реальной жизни, непонимание тех сил революции, которые созревали в недрах России. Этим и объясняется то, почему Лавров оказался позади движения в период деятельности «Земли и воли», не сумел понять кризиса народолюбчества в начале 80-х годов и не смог оценить историческое значение социал-демократического движения на его начальной стадии. Но в учении Лаврова о личности и интеллигенции, о социализме и особенно в его теории нравственности содержатся глубокие мысли, имеющие научное значение. Выделить из утопий эти мысли — задача интересная и целесообразная».

В фейсбуке:

<http://web.facebook.com/photo.php?fbid=1122418804511682>

РОССИЯ И ЗАПАД. Ч. 1.

«Будущие конституции, будущие кодексы, будущие партии, будущая цивилизация и будущая политическая карта мира требуют для своего органического развития не только государственного мастерства, не только политического такта, а цельного взгляда на современные вопросы в их полноте, безбоязненного вскрытия современных потребностей в их взаимной связи, решимость отказаться совсем от старого, предаться совсем задаче нового общественного строя»

П.Л. Лавров

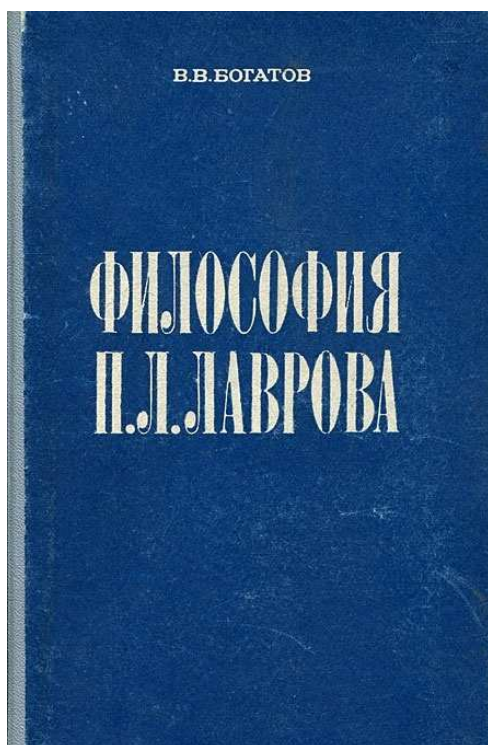
Если оперировать дихотомией «западничество» / «славянофильство», то П.Л. Лаврова, безусловно, следует отнести к западническому крылу русской мысли. Однако имеется и то, что сближает его со славянофильством: мысль о своеобразии пути России, идеал целостности и холизма, идеализация русского народа и крестьянской общины и пр. Согласно Лаврову, история мысли заканчивается мыслью объединяющей, философией, характерным отличием которой является целостность. Но русские, в силу их специфических особенностей развития, уже обладают этой целостностью, значит более восприимчивы к современному общественному идеалу. Мысль о том, что Лаврову удалось гармонично интегрировать в свою теорию некоторые славянофильские идеи, обосновывается в статье А.И. Юдина «Россия и Запад: поиск исторического пути развития (П.Л. Лавров)». Приводим выдержки оттуда:

«П.Л. Лавров в своей работе «Философия истории славян» (1870), опираясь на И.В. Киреевского, полагал, «что в славянском уме заключается возможность сильного и оригинального творчества мысли, цельного и всестороннего усваивания вопросов и безбоязненного ответа на них во всем их значении для современности». На основании этого мыслитель делал вывод о том, что «история славянских народов вызывает в них, сравнительно с германскими, в слабой степени развитое стремление к политическом строительству; в области же развития мысли, они доказывали фактически, что они не только не ниже других европейских племен, но при удобных обстоятельствах, полнее и цельнее понимают вопросы этой области...». Таким образом, соборность как дорефлексивное состояние верующих, как их внутреннее единство может стать, по мысли П.Л. Лаврова, основой восприятия другого единства, единства сознанный солидарности.

Цельность славянского мышления, подчеркиваемая славянофилами, органично вписывалась в антропологическую философию П.Л. Лаврова. Поэтому с точки зрения понимания человека как целостного существа слабость славянской мысли в области политики выглядит недостатком мало существенным, так, с точки зрения социальной философии П.Л. Лаврова, политическая сфера есть проявление только одной потребности человека. Вопросы политические разобраны, «ответы на них даны, и тем хуже для тех, кто их не знает и не хочет знать. Ответы эти недурны, но в иных недостаёт целостности. Справедливость экономическая и нравственная требует теперь всего человека, а не только гражданина».

Будущий общественный идеал П.Л. Лавров связывал с цельным взглядом на мир. «Будущие конституции, будущие кодексы, будущие партии, будущая цивилизация и будущая политическая карта мира требуют для своего органического развития не только государственного мастерства, не только политического такта, а цельного

взгляда на современные вопросы в их полноте, безбоязненного вскрытия современных потребностей в их взаимной связи, решимость отказаться совсем от старого, предаться совсем задаче нового общественного строя». Опираясь на идею целостности, П.Л. Лавров обосновывал прогрессивную роль славянских народов, их революционную роль в будущем преобразовании существующих общественных отношений. Поэтому славяне «могут в этих современных, живых задачах играть роль передовых народов не только не хуже других европейских племен, но, может быть, лучше их». В славянском мире П.Л. Лавров ведущую роль отводил России. «Ни одно славянское племя в наше время не пользуется даже приблизительно тем внешним политическим значением, как русские», – писал П.Л. Лавров. Выход П.Л. Лавров видел в том, чтобы «переработать наши культурные наслоения, все одинаково не национальные, с помощью общечеловеческого начала – мысли; отказаться от культурных привычек, которыми дорожить нечего, потому, что они составляют чуждую внешность; взглянуть прямо на современные исторические вопросы в их целостности...».

Переработать культурные наследия России, с точки зрения П.Л. Лаврова, необходимо при помощи антропологического принципа, при помощи понимания человека как целостного существа. Если «политическая мысль созрела в других племенах, и нам остается лишь применить эту мысль к нашим культурным условиям», то самостоятельная задача России, ее историческая миссия «взять на себя задачу нового движения в его единстве». Задача нового движения есть реализация общечеловеческого идеала, суть которого – целостная, гармонически развитая личность. В этом ракурсе, согласно логике мысли П.Л. Лаврова, русская мысль способна переработать общечеловеческую и свою национальную культуру. «Наука и жизнь в их философском единстве, личность и общество в единстве свободного взаимодействия, истина естественная и справедливость общественная в единстве человеческого убеждения, история и идеал в единстве человеческой деятельности». Таким образом, специфическая особенность культурного развития России, доминирование религиозной культуры в обществе, специфика православия как конфессии, в меньшей степени испытавшей влияние рационализма, сохранившей тем самым целостный дорефлексивный взгляд на мир, в мышлении П.Л. Лаврова создают возможность стать России ведущей страной, оказаться «ближе» других стран Европы к современному общественному идеалу...

Путь развития России П.Л. Лавров видел вместе с народами Европы. Законы истории и социологии (закон переработки культуры мыслью, закон последовательности фазисов), рассмотренные ниже, имеют, по мнению П.Л. Лаврова, универсальное значение. «Общий ход новой европейской мысли охватил все славянские народы наравне с германскими, кельтическими; все главные течения этой истории неизбежно отражались на всех этих элементах; но смотря по условиям, при которых каждое главное течение заставляло то или другое племя, тот или другой народ, последний участвовал в этом течении с большей или меньшей энергией, был захвачен им более или менее поздно, играл в нем более или менее значительную роль», – писал П.Л. Лавров.

Но возможны специфические особенности, обусловленные, по мнению Лаврова, экономической, политической и культурной средой. Поэтому если русское общественное движение «и принимает на русской почве иные формы, то только поскольку, поскольку это обуславливается условиями страны, отличающимися ее от других стран». Проблема заключалась в том, чтобы условия страны стали условиями ее прогресса. Мы уже отмечали, главными специфическими условиями развития России, по П.Л. Лаврову, являлась целостность мышления и наличие крестьянской поземельной общины. Проблема крестьянской поземельной общины в России как фактора ее ускоренного развития подводила к проблеме необходимости или не необходимости прохождения Россией всех фазисов исторического развития, которые прошла Европа. «Почему, наконец, и фазисы, через которые проходила мысль русской передовой интеллигенции, в ее знаменательной зависимости от хода европейской истории, современная постановка основных социальных и политических вопросов мысли и жизни в этой интеллигенции, в одних отношениях совершенно сходна с тем, что мы видим на Западе, в других же представляет характеристические отличия?», – писал П.Л. Лавров. Решение этих проблем было необходимо для мыслителя при реализации его общественного идеала в России».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1123158147771081>

РОССИЯ И ЗАПАД. Ч. 2.

«Русская интеллигенция унаследовала от декабристов ненависть к самодержавию и от нигилизма начала 60-х гг. – решимость разорвать с лицемерными фикциями чисто политического либерализма; она получила научную опору в рабочем социализме Интернационала... Она взяла для себя опасную и грозную обязанность сделаться центром нового революционного движения»

П.Л. Лавров

Продолжаем рассматривать взгляды П.Л. Лаврова на особый путь России. С одной стороны, Лавров постоянно подчеркивал, что конкретно-исторические условия России, абсолютизм, крепостное право, замкнутость крестьянства в рамках общины не способствовали формированию в народе тех или иных прогрессивных идей. С другой стороны, народ, крестьянство несколько идеализировались им. По мнению Лаврова, народ интуитивно знает, как обустроить свою жизнь. Тут имелось и другое противоречие: с одной стороны, народ надо просвещать, с другой стороны, народ знает истину интуитивно, социальная истина и есть сам народ. Эти и другие особенности русского общества в восприятии Лаврова рассмотрены в статье А.И. Юдина «Россия и Запад: поиск исторического пути развития (П.Л. Лавров)». Приводим выдержки отсюда:

«Основная тенденция развития современного общества, по П.Л. Лаврову, есть стремление к универсализму и солидарности, в то же время существует тенденция, противоречащая первой, тенденция к конкуренции. Поэтому «следует ли признать начало универсализма, сближающего личность в их группы... Или же преобладающая роль принадлежит, и будет принадлежать в ближайшем будущем разделяющему началу рас и национальностей». Дилемма для П.Л. Лаврова существовала между капитализмом, разделяющим людей, ведущим к конкуренции, и универсализмом, ведущим к солидарности людей, к их объединению.

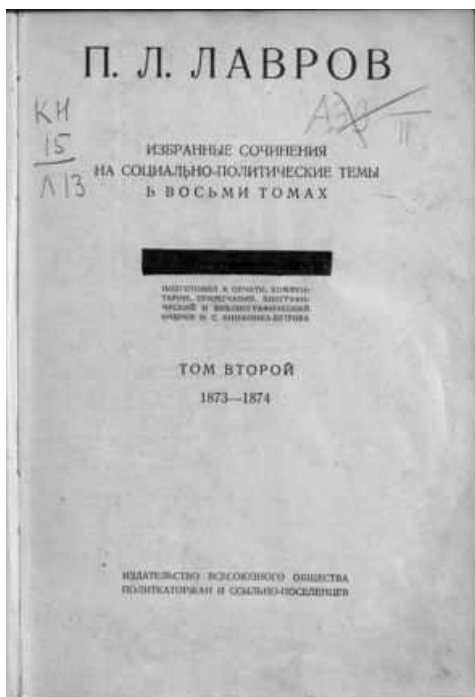
П.Л. Лавров не мог не видеть развития капитализма в России, не мог отрицать того, что в значительной степени было уже реализовано в жизни общества. «Эволюция человечества, в его переработке культуры мыслью, остановится не может, будут ли ее фазисы здоровыми или болезненными, нормальными или обнаруживающими временное отклонение от нормы, прогрессивными или регрессивными».

Капитализм как общественный строй противоречил самой сути общественного идеала мыслителя, суть которого заключалась в том, чтобы огромные массы народа поднять до уровня исторической жизни. Но поскольку капитализм существует, то необходимо, по мнению П.Л. Лаврова, найти пути преодоления его недостатков. В капиталистическом обществе класс сторонников капитализма заинтересован в конкуренции и разделении людей на классы, а «класс трудящихся, усвоивших классовое сознание, видел и видит единственное средство своего торжества и единственную возможность осуществить свою святыню солидарности в кооперации, распространяющееся постепенно на все трудящееся человечество...». Таким образом, капитализм в Европе создает предпосылки общества осознанной солидарности, русское крестьянство сохранило эти предпосылки в рамках поземельной общины. Поэтому для П.Л. Лаврова лучше избежать движения к общественному идеалу через капитализм.

С одной стороны, П.Л. Лавров признавал и постоянно подчеркивал, что конкретно-исторические условия России, абсолютизм, крепостное право, замкнутость

крестьянства в рамках общины не способствовали формированию в народе тех или иных прогрессивных идей. С другой стороны, народ, крестьянство несколько идеализировались, даже фетишизировались, наделялись теми качествами и способностями, которыми явно не обладали. По мнению П.Л. Лаврова, власть на другой день после революции необходимо отдать народу, поскольку народ интуитивно знает, как обустроить свою жизнь. С одной стороны, народ надо просвещать, с другой стороны, народ знает истину интуитивно, социальная истина и есть сам народ. В начале XX в. эта преклонение перед народом было названо «народопоклонством».

Для П.Л. Лаврова были характерны оба подхода к пониманию народа, к его исторической роли в преобразовании русского общества. По его мнению, огромное большинство русского народа «осталось вне движения мысли, которое подготовило в Европе, с одной стороны, понимание социальных вопросов рабочего социализма, с другой стороны, сознание солидарности всего рабочего класса в борьбе с его экономическими и государственными эксплуататорами». В то же время в силу отстраненности русского народа от движения мысли, казалось бы парадоксальным образом, в силу сохранения поземельной крестьянской общины русский народ «представляет прочную почву для солидарности небольших групп, а следовательно, для развития общежития на началах рабочего социализма». Поэтому между пролетариатом Европы и русским крестьянством можно, согласно логике П.Л. Лаврова, поставить знак равенства. Стремление к солидарному общежитию у рабочих Европы есть результат капиталистических социально-экономических отношений, русское же крестьянство сохранило солидарность в рамках поземельной общины, поэтому имеет стремление развить, совершенствовать его.

Стремление П.Л. Лаврова дать историческое обоснование специально русского пути на пути реализации универсального, научного общественного идеала вело к некоторой «мифологизации» и «идеализации» черт русского общества и русского государства. Например, отчужденность народа от власти приводило к правовому нигилизму в русском обществе. Однако этот правовой нигилизм, объективно существовавший и существующий и поныне в нашем обществе, стал основой создания мифа о народном праве, народной нравственности. Суть идеи заключалась в том, что народу легитимное право, которое только заковычивает, угнетает его, вообще не нужно. Народ в русской народнической традиции есть та категория, которая не подлежит никаким нравственным и правовым оценкам: все, что исходит от народа, есть истина... Тем самым получал теоретическое оправдание правовой нигилизм, тем самым давалась моральная санкция на нарушение существовавших в государстве правовых норм...

Другой специфической особенностью русского общества, способствующей реализации именно в России общественного идеала, по мнению П.Л. Лаврова, является анти-буржуазность и революционность русской интеллигенции. Русская интеллигенция, в отличие от западной, не вступила в союз с русской буржуазией, как полагал П.Л. Лавров и другие народники. «Во всяком случае, русские обладатели капитала не составляли политического класса и не имея на своей стороне влиятельной интеллигенции,

не могли быть ни базисом политической оппозиции против правительства в своих интересах, ни противовесом революционной партии, которая отыскиала бы свой базис оппозиции». «Той доле его (служилого класса. – А. Ю.) которая дифференцировалась, как собственно интеллигенция, выпала в русской истории роль близкая той, которую играли юристы в Западной Европе».

Таким образом, П.Л. Лавров переходил к своей любимой теме – роли интеллигенции в обществе. В теоретическом плане, в своей философии истории П.Л. Лавров мыслил интеллигенцию как главную движущую силу общественного развития. В историческом плане – русская интеллигенция мыслилась как главная революционная сила, носительница общественного идеала, сила, реализующая этот идеал. Русская интеллигенция «унаследовала от декабристов ненависть к самодержавию и от нигилизма начала 60-х гг. – решимость разорвать с лицемерными фикциями чисто политического либерализма; она получила научную опору в рабочем социализме Интернационала... Она взяла для себя опасную и грозную обязанность сделаться центром нового революционного движения», – писал П.Л. Лавров. Таким образом, если в Европе противоречие, характерное для буржуазного общества, существовало в наиболее чистом виде; буржуазия – пролетариат, то в России это противоречие приобретало свои особенности; с одной стороны, государство, с другой – передовая русская интеллигенция, выражающая интересы крестьянства. Проблема поиска пути исторического развития России – одна из важнейших проблем, занимавших русское общество XIX в., волнует она нас и сейчас. Русские западники, к которым принадлежал П.Л. Лавров, в выборе пути ориентировались на европейский цивилизационный процесс. С точки зрения единого цивилизационного процесса все страны, с теми или иными отклонениями, должны влиться в единое цивилизационное русло, все страны, как полагал П.Л. Лавров, придут к реализации одного универсального, научного, общественного идеала».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1124115201008709>

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА РЕЛИГИЮ. Ч. 1.

«Основною точкою исхода философского построения является человек, проверяющий себя теоретически и практически и развивающийся в общежитии»

П.Л. Лавров

П.Л. Лавров известен как непримиримый критик религии. В будущем социалистическом обществе, по его убеждению, нет места религии, поскольку это ложная форма мировоззрения. Между тем, сам Лавров прошел долгий путь от искренней и глубокой религиозности к атеизму. Этот путь анализируется в статье А.И. Володина «К характеристике атеизма П.Л. Лаврова». Приводим выдержки оттуда:

«Как и большинство других шестидесятников, Лавров не сразу стал атеистом. Правда, путь его поколения к отрицанию религии не был таким сложным, как у его предшественников: вспомним хотя бы мучительные искания реалистического мировоззрения Белинским или Герценом. В, «Биографии-исповеди» (1885—1889) Петр Лаврович писал: «В своем детстве Лавров оставался постоянно на ступени привычного верования, не вызывавшего размышления, и никогда не проходил через фазис религиозного аффекта. Лет около 15-16 жизнь натолкнула его на размышления о философской задаче свободной воли, ответственности и необходимости, и он выработал в себе самый решительный детерминизм в форме теистического фатализма...».

Сохранившийся дневник Лаврова начала 40-х годов свидетельствует о характере его мировоззрения той поры. Вот фрагменты записи, сделанной Лавровым 16 августа 1841 г.:

- «1. Бог есть совершенство сил моральных.*
- 2. Следовательно: а) он один, потому что совершенство может быть только одно...*
- 6. Бог дал человеку разум, чувства и волю...*
- 8. Но разум слаб — он может заблуждаться; чувства слабы — они могут нас обманывать; воля слаба — она может быть нам пагубна...*
- 10. Следовательно, не нужно твердо верить в свои знания, не должно верить страстям, должно обдумывать влечения...*
- 11. Не должно ничего утверждать и ничего отвергать, должно сомневаться...*
- 17. Если мы слабы, если наши побуждения неверны, то они таковы даны нам Богом, и это так должно быть.*
- 18. Следовательно, нужно идти твердо вперед, следуя своим влечениям и не боясь ничего, потому что Бог нас ведет и все, что мы делаем, необходима протекает по воле его».*

В последней фразе особенно отчетливо выражается «теистический фатализм» как основа юношеских философских размышлений Лаврова. Вместе с тем обращает на себя внимание и своеобразный скептицизм в рассуждениях Лаврова о духовных способностях человека. И именно преодоление этого скептицизма выступает как форма постепенного и все более решительного отказа от веры в бога. Со временем все сильнее становится убеждение Лаврова в силе человеческого разума. 15 января 1842 г. он пишет: «О знания, знания! без них человек ничто, без них он наг и слаб в руках природы, он ничтожен и вреден в обществе...»...

Эти горькие мысли о несовершенстве человеческого духа довольно долго одолевают Лаврова. Ответ на вопрос, есть ли истина в мире, — вопрос, столь

занимавший в это же время Герцена и получивший оригинальное философское освещение в его «Дилетантизме в науке» и «Письмах об изучении природы», — все не дается Лаврову. Приведем его запись от 3-4 августа 1844 г., носящую название «Вступление» (нумерация дана по рукописи):

«1. Среди споров всех школ, среди прений философов и учителей, среди борений... души моей спрашиваю себя: что истина?

2. Где мне искать ее? Кому верить? Гордому разуму, который все хочет вывести сам из себя, или слову неподвижного закона, который безответен на все вопросы?..

3. Молчи и веруй, говорят они, молчи — разум человеческий слаб и заблуждается, он не может постичь истины; веруй — это откровение Божье, эти слова вдохновлены тем, который своим могущественным словом возводит миры, своей неисповедимой любовью простил грех, своим всеведущим духом прояснил очи и умы учеников своих.

4. Я хочу верить, — но отчего же и не могу заглушить внутренний голос души моей, который мне повторяет: оправдай свои верования.

5. Душа моя, бедная труженица истины, слабый отголосок звука, измененного в своем столкратном отражении, мир, рассеянный в бесконечном пространстве, которое отделяет меня от твоего источника, — зачем ты рвешься проникнуть в пределы недостижимые, из которых один вынес сумасшествие, другой — сомнение, третий — материализм, немногие — веру, никто — убеждение?

6. Но точно ли ты [душа] не можешь проникнуть в них? Точно ли ты слаба и бесцельна? — Но тогда зачем ты мне? — В который раз в жизни я бросаю этот вопрос на ступени вечного храма, но мне никто не отвечает из глубины мрачных портиков. Бывало, спокойное слово философа тебя смиряло, ты в слове мира находила ответ, но все оспорено, все ниспровержено, и среди развалин всех мнений ты стоишь одна, грустная, и насмешливые видения говорят тебе: создай свои верования.

7. Ты [душа] мне осталась одна в помощь для проществия трудного пути жизни: у кого я спрошу дорогу в этом тумане, который покрывает мир? Кого я спрошу с теплою верою: не заблудился ли я?..

10. Ты жива — и я тебе верю, ты подобие Божие — ты всемогуща, ты созидает и разрушает миры идей, стройные, разнообразные, как он созидает и разрушает миры существ.

1. Но где основание твоих исследований? Не строишь ли ты их на призраках? Существует ли мир видимый, существует ли этот организм, существуешь ли ты сама?

2. Ты останавливаешься на первом шагу, ты сомневаешься: что такое существование?

3. Определи: существует ли для слепца свет? — нет. Существует ли для человека качество, которого зародыша он не находит в себе? — нет. Для тебя существует все, что может на тебя действовать.

4. Существование объекта есть его действие на субъект и воздействие последнего».

Здесь рукопись Лаврова обрывается, и это само по себе очень симптоматично: двадцатилетний мыслитель, стремящийся согласовать науку с верой и пришедший в итоге к формуле, хотя и субъективно-идеалистической, но подрывающей в сущности ведущий религиозно-мистический догмат о существовании невидимого божества, не

имеет еще ответов на те многочисленные мучающие его вопросы, которые он так настойчиво ставит.

Но отметим также, что центр тяжести в размышлениях Лаврова все больше и больше переносится с идеи о всемогуществе божества и несовершенстве человека на самого реального человека, на этого подлинного «субъекта», находящегося в сложном взаимодействии с миром. Лавров уже близок здесь к основополагающему тезису своей антропологической философии, который он сформулирует впоследствии следующим образом: «Все сущее в той лишь мере существует для человека, в какой им сознается... Бытие человека, как отдельной и цельной физически-психической личности, не может быть подвергнуто сомнению, потому что... оно предполагается всеми фактами нашей деятельности, сознаваемого внешнего мира и собственной мысли». «...Основною точкою исхода философского построения является человек, проверяющий себя теоретически и практически и развивающийся в общежитии».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1124988030921426>

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА РЕЛИГИЮ. Ч. 2.

*«Все в мире бессмертно, все в нем бесконечно,
Не знает ничтожества все, что живет...
Утешься же, смертный: ты жить будешь вечно.
Ни дело, ни слово, ни мысль не умрет...»*

П.Л. Лавров

Эволюцию взглядов Лаврова на религию – от юношеской религиозности к поздним атеистическим воззрениям – интересно проследить на примере его ранних поэтических опытов. В молодости Лавров придавал поэзии большое значение, в ней он выражал свои философские идеи. Особый интерес представляют его ранние стихотворения «Крещение», «Бессмертие» и «Верую» (датируются 1855 годом), в которых напрямую затронута религиозная проблематика. Разбор этих и других стихов приведен в статье А.И. Володина «К характеристике атеизма П.Л. Лаврова». Обратимся к этой статье:

«Юношеский мировоззренческий скептицизм Лаврова выступает как своеобразное облачение происходящей смены объекта веры. Место бога как творца всего сущего занимает реальный субъект — человеческая личность. Наглядное выражение этой духовной переориентации — поэтическое творчество Лаврова 50-х годов.

«Занимаясь сам со страстью стихотворством, Лавров, — по его собственным словам, — придавал поэзии в молодости романтически преувеличенное значение в мысли и жизни, в особенности же примирительную роль между религией и наукой... и долго считал теистическое мирозерцание наиболее поэтическим, как форму мысли, даже когда отрекся в своем убеждении от всякого теистического элемента. С аргументами материализма Лавров ознакомился лет 22-х. Лет около 30-ти его мирозерцание в общих чертах установилось, но оно для него самого уяснилось и выработалось в подробностях лишь в процессе литературных работ в конце 50-х годов».

Статьи Лаврова конца 50-х годов — «Гегелизм» (статья первая, статья вторая) (1858), «Практическая философия Гегеля (Гегелизм. Статья третья)» (1859), «Современные германские теисты» (1859)... и др. — действительно несут на себе печать ярко выраженного критического отношения Лаврова к религии. А его стихотворения середины 50-х годов показывают, как именно происходило окончательное преодоление религиозной веры и каким образом религиозные образы трансформировались в исключительно поэтические.

В стихотворении «Крещение» (май 1855) образ бога, лишенный каких-либо супранатуралистических черт, выступает под пером Лаврова как своего рода художественный символ, выражающий его представления о передовом человеке эпохи:

*Пусть Бог его будет — не Бог Моисея,
Губитель рабов фараона,
Чрез трупы народов ведущий еврея,
Ревнивый хранитель закона...
Во имя Христа, в мир сошедшего Сына,
Свершившего долг свой священный,
Пусть долг человека и долг гражданина
Исполнит он — в мире рожденный.
Пусть истины слово он людям вещает,*

Пускай обличит фарисея,
 Пусть слабых подымет, слепцов просветляет,
 Пусть станет пред суд не бледнея,
 Для воли спокойной все немощны казни:
 В земле пусть разрушится тело,
 Но вечно живет, как Христос, без боязни
 Свершенное совестью дело...
 Пусть бог его будет — бог истины вечной,
 Прекрасного бог и благого,
 Закон неизменный и дух бесконечный,
 Живой среди мира живого;
 Бог теплого чувства,
 Бог ясного знанья,
 Бог доблести, долга и чести,
 Живой в нашей страсти, в сомненьи, в желаньи,
 Бог, чуждый молитвы и лести...

Как видим, религиозная терминология выступает у Лаврова всего лишь средством романтизации высоких общественных идеалов.

В другом стихотворении Лаврова — «Бессмертие» (1855) явно отвергается христианский догмат о бессмертной душе человека:

Все в мире бессмертно, все в нем бесконечно,
 Не знает ничтожества все, что живет...
 Утешься же, смертный: ты жить будешь вечно.
 Ни дело, ни слово, ни мысль не умрет...

Отвечая на вопрос: «Что пишет наш век на хоругви своей?» — Лавров раскрывает символ веры своего поколения, идеалы «новых людей». Он призывает низвергнуть кумиры минувшего, однако утверждает, что нельзя жить, не веруя. Но во что зовет верить Лавров?

Я верую в разум! не бес нас прельщает
 Обманчивым знаньем, греховной мечтой.
 Я верую в чувство! не Майя свивает
 Пред нами покров обаятельный свой.
 Не сон наша жизнь и не грезы страданья;
 Не призрак, чарующий блеск красоты;
 Не суетны мысли; не грешны желанья;
 Не ложны поэта святые мечты.
 Я верю в развитие! год за годами
 Волна человечества вечно растет.
 В познании и в правде, умом и делами
 Идут поколенья вперед и вперед...
 Я верую в вечность законов Природы
 И в неизменность законов судьбы!
 Как с гор на долину стекаются воды,

*Не зная молений, не зная борьбы,
Влекут человека так вечные силы
Разумных стремлений, безумных страстей,
Влекут с колыбели до самой могилы;
Но узник не чувствует вечных цепей.
Я верую в святость судьбы человека!
Я верю в единство и в братство людей!
Я верю в блаженство грядущего века!
Я верую в будущность царства идей!*

В последних строках этого стихотворения — оно так и называется: «Верую» — явно отразилась приверженность Лаврова идеям утопического социализма, который понимается им прежде всего как общество разума. Недаром через несколько лет в статье «Практическая философия Гегеля (Гегелизм. Статья третья)» он напишет: разум — «это догмат нашего времени...».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1126015410818688>

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

«Чем менее научной критики, тем чаще и тем грубее смешение действительного с воображаемым, знания с верованием, тем уже действительный мир и тем шире фантастический, тем привычнее воображение к подсказыванию созданных мотивов, и тем полнее уверенность в одинаковом достоинстве всех частностей мирозерцания»

П.Л. Лавров

П.Л. Лаврову принадлежит своеобразная философия религии, сочетающая в себе черты позитивизма, антропоцентризма и народничества. Лавров полагает, что истоки религии лежат в таких чувствах человека, как страх, надежда, любовь, ненависть и пр. Кроме того, гносеологической основой религиозности является стремление к целостному мирозерцанию, способному охватить все частные аспекты мироздания, а поскольку это глубинное стремление является философским, то правильно считать, что религия возникла из философии, а не философия из религии. Данный аспект теории П.Л. Лаврова рассмотрен в статье А.И. Володина «К характеристике атеизма П.Л. Лаврова». Приводим выдержки оттуда:

«В проблеме генезиса религии Лаврова интересуют прежде всего ее психологический и гносеологический аспекты — вопрос о том, как люди «могли поверить тому, что ложно». Чтобы ответить на этот вопрос, «надо найти в духе человека те начала, которые позволяют ему принять ложь за истину... найти в истории общества те обстоятельства, которые породили... ложное верование».

Лавров полагает, что в областях «верований и жизненной практики» «люди участвуют не только отвлеченным пониманием и простым желанием пользы, но еще чувством страха и надежды, любви и ненависти». И это составляет своеобразие человеческой жизни в данной области. Более того, Лавров считает» что, «кто равнодушен к своим жизненным действиям, тот не живет нравственно: он подчиняется ежедневной рутине и остается нравственным индифферентистом. Но и увлечение жизненными вопросами потому сильно, что человек верит в достоинство и правду своих действий; оно измеряется силою его жизненного убеждения».

Вот здесь-то Лавров и усматривает возможность возникновения тех явлений в сфере духа, из которых при определенных условиях возникает религиозная вера. Вера человека в оправданность своих действий настолько свойственна ему, что он, сам не замечая того, переносит ее в сферу, где она совершенно излишня, — в сферу знания и техники: «Привычное знание и привычный прием становятся ему дороги не только потому, что они истинны и полезны, но и потому, что они привычны. Ему жаль променять ошибку на истину, и он старается отстоять свою ошибку. И, конечно, подобный процесс всего заметнее в области чистого верования, в области религии».

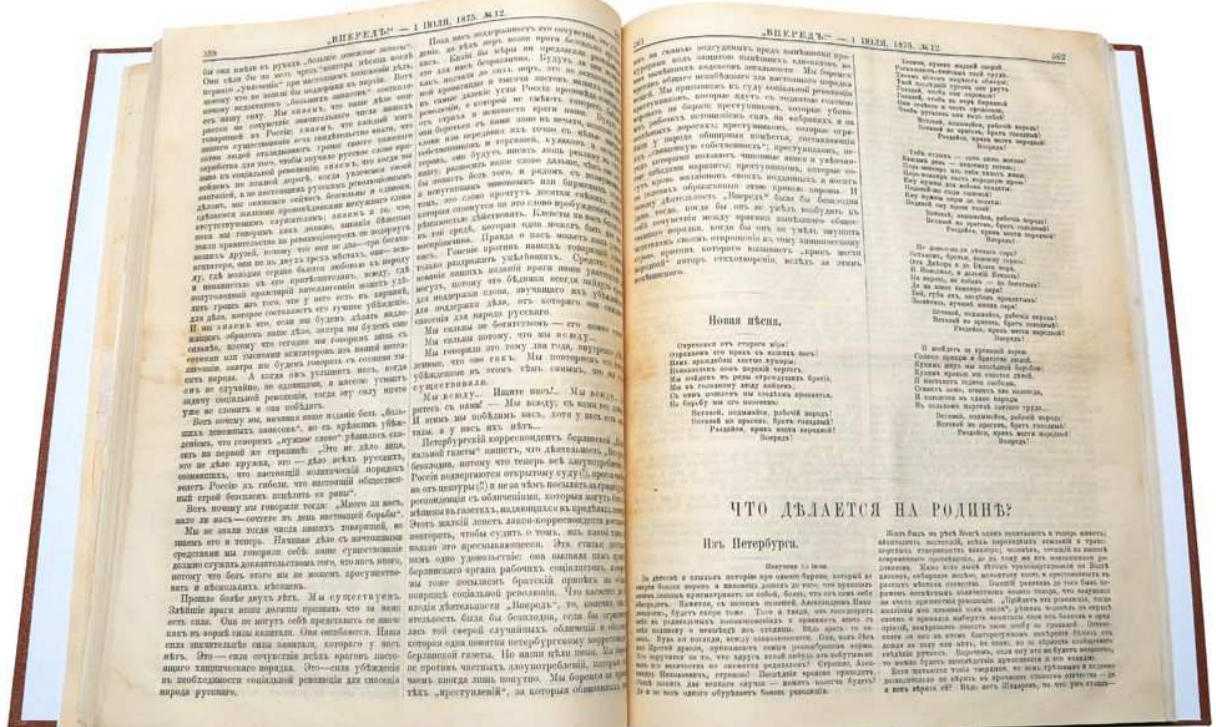
Иначе говоря, Лаврова более всего занимает сам механизм возникновения того, что он называет религиозным мифом. Он видит основное средство образования мифа в человеческом духе, стремящемся восполнить убожество земного существования и недостаточность знаний человека о мире представлениями фантастического свойства, далеко не безобидными для человеческого существования:

И молятся люди. Незримые Боги

Питаются кровью и потом людей.
Рабы воздвигают им храмы, чертоги
По воле пророков, священных царей.
Но все тяготеет над духом преданья,
Печален и страшен тир грозных богов...
[стихи Лаврова]

По Лаврову, чтобы объяснить сущность религии, надо научно исследовать духовную жизнедеятельность современников, «пасынков цивилизации», «низиших слоев» общества находящиеся с их повериями и предрассудками вне сферы воздействия знания.

В этой связи стоит вспомнить о таком эпизоде. 5 сентября 1871 г. Лавров, находившийся тогда в Париже, обратился с письмом к Энгельсу. Незадолго до этого он побывал в Лондоне, где и познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом. С Энгельсом у Лаврова завязалась довольно регулярная переписка, в которой они не раз обсуждали не только актуальные политические, но и научные проблемы, обменивались информацией о новой литературе и т.д. В письме от 5 сентября 1871 г., впервые опубликованном в 1967 г., Лавров просит Энгельса прислать ему ряд книг, и среди них работы Э. Б. Тейлора «Первобытная культура» и Дж. Леббока «Происхождение цивилизации». «Сейчас эти книги мне крайне необходимы...» — замечает Лавров.

А понадобились они Лаврову, в частности, потому, что он готовился в это время к докладу в Парижском антропологическом обществе на тему о сходстве древних религиозных верований и религиозных культов современного населения. Этот доклад под названием «О поклонении озерам и текучей воде и о легендах о затонувших городах» Лавров сделал на заседании Общества 16 мая 1872 г. В докладе он утверждал, что мировые религии образуют «две совершенно различные группы: одна — включает в себе первобытные верования в волшебство, магию, амулеты, фетиши, в бесчисленных духов домашнего очага, стихий, лесов, веру в мертвецов, привидения, сыны и т. д.... Это —

самозародившаяся, антропологическая религия, описанная под названиями фетишизма, анимизма, магии, народных суеверий и т. д.

Вторая группа содержит исторические религии меньшинства, религии с более или менее развитой мифологией, с легендами, расположенными в виде более или менее гармонического целого, — религии, являющиеся, наконец, источником философии более или менее глубокой, как метафизическое учение, более или менее возвышенной, как учение моральное».

Сравнивая эти две группы религий, Лавров особое внимание обращает на пережитки (у Лаврова — переживания) древних культур, сохранившиеся в массовых религиозных верованиях XIX в. Он анализирует данные о поклонении воде у русских крестьян (на наш взгляд, они и сегодня представляют определенный интерес) и в этой связи ссылается как раз на те книги, которые незадолго до этого просил прислать Энгельса...

Видя субстанциональное начало религии в безотчетной вере, т. е. в твердом убеждении в чем-то таком, что на самом деле призрачно, ненаучно, Лавров утверждает, что это верование в сущности присуще всякому человеку. И в сфере «развитого общества» мы сталкиваемся, по Лаврову, с такими явлениями» когда фантастическая картина подменяет собой истинную, когда воображаемые ощущения искажают и оттесняют действительные. «Если подобные факты беспрестанно замечаются в среде развитого общества» приученного воспитанием и жизнью к критике фактов, то они тем обыкновеннее в человеке неразвитом. Чем менее научной критики, тем чаще и тем грубее смешение действительного с воображаемым, знания с верованием, тем уже действительный мир и тем шире фантастический, тем привычнее воображение к подсказыванию созданных мотивов, и тем полнее уверенность в одинаковом достоинстве всех частных мирозерцания».

Лавров полагает, что сама тяга к верованию объясняется потребностью человека в полной, совершенной, законченной картине окружающего мира. «Стремление к целостности мирозерцания есть стремление философское; основание его: факты знания, которые предстоит связать гипотезами, составляют начало научное; религиозный же элемент проявляется в представлении гипотетического факта действительным, гипотетической связи между фактами необходимою, кажущегося решения вопроса о сущности вещей одинаково точным с научным решением вопроса о явлении». Этот-то «уголок для бессознательного творчества, для убеждения, имеющего вид знания», Лавров и считает основой религиозных верований».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1128610720559157>

ХРИСТИАНСКИЙ ИДЕАЛ ПЕРЕД СУДОМ СОЦИАЛИЗМА

«Между разными типами христианского идеала и учением социальной революции нет ничего общего. Социалист-революционер не может искренне считать себя христианином в каком бы то ни было смысле»

П.Л. Лавров

В социалистическом движении XIX века имелись попытки сблизить социалистический идеал с идеалом христианства. П.Л. Лавров выступил с подробной критикой данного подхода. Эта критика представлена в его статьях «Религиозные социалисты» (1873), «Социализм и историческое христианство» (1875), «Христианский идеал перед судом социализма» (1876). По мнению Лаврова, Библия слишком разнородна, чтобы на ее основе можно было реконструировать какой-то один этический идеал. Не менее разнородно историческое христианство, которое выработало самые разные типы этики – от крайне аскетичной до близкой к гедонизму. Лавров полагает, что любые попытки сблизить социалистический идеал с христианскими типами этики обречены на провал, поскольку они не учитывают исторические формы бытования христианства. Приводим его рассуждения из статьи «Христианский идеал перед судом социализма» (1876):

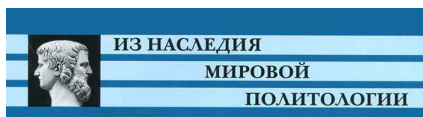
«Если мы хотим опереться на идеал Христа, так, как он был понимаем большинством верующих в первый самый горячий период христианства и как он выработался впоследствии в обширной литературе руководящих отцов церкви, средневековых и протестантских богословов, то нам уже нельзя брать тексты на выбор по произволу, подчеркивать одну фразу и выкидывать другую, по нашим соображениям. Мы наперед знаем, что в хаосе легендарных фактов и изречений можно найти тексты для какого угодно направления; наперед знаем, что все эти факты и изречения невозможно без самой грубой натяжки слить в один идеал...»

Христианский идеал представляется в истории в двух формах, весьма различных по своему общественному значению, хотя было немало богословов, в уме которых они уживались рядом со множеством других противуречий.

Первая форма и самая древняя это -- идеал христианского аскета, отрицающего все мирское в виду внемировых задач, в виду загробного блаженства. Это -- идеал, коренящийся в старинном азиатском аскетизме и самомучении факиров и оскопленных жрецов переднеазиатской богини, идеал, имевший лишь слабое проявление в мире классических народов, среди киников. Он с особенною силою утвердился в первый период христианства на почве ежедневного, ежеминутного ожидания конца мира, которое составляло самую характеристическую черту в миросозерцании христиан этого времени. Он обратился потом в ежедневное, ежеминутное ожидание смерти и приготовление к ней. Этот идеал опирался на слова Христа, отрицающего семью, отрицающего все земные блага и связи, проповедующего царство не от мира сего... Этот аскетический идеал христианства отрицает действительно и собственность, и государство, и личные привязанности, и всякое эгоистическое влечение в обыкновенном смысле слова. Но он не заменяет всего разрушенного никаким новым человеческим влечением. Он, напротив, есть идеал эгоистический в самом полном, хотя не совсем обыкновенном, значении термина. Для спасения собственной, единичной души, для доставления ей вечного блаженства аскет Фиваиды, или киево-печерский отшельник, или

средневековый монах "ангельского чина" отрекается от всех жизненных удобств, от земного богатства, от общественных обязанностей, от общественной деятельности.

Другая форма христианского идеала занимала сначала второстепенное место и лишь постепенно приобрела господство, когда, во-первых, ожидание близкого конца мира перестало составлять основное настроение верующего христианина, как это было в первые века; когда, во-вторых, духовенство, и в особенности монашество, перестало играть руководящую роль в средневековом обществе; когда, наконец, светские интересы были признаны явно преобладающими в христианском обществе и христианству пришлось примириться с "миром" во всех его формах. Эта форма христианского идеала была идеалом христианской любви и христианского смирения.

П. Л. ЛАВРОВ

Источник этого идеала коренился в языческой мудрости, которая впервые у греческих мыслителей разорвала для мудреца границы узкого отечества и поставила этого мудреца гражданином мира, требуя от него презрения к личным радостям и горестям, презрения к самой смерти во имя убеждения, требуя служения этому убеждению и, следовательно, перенося на весь мир то самоотвержение в отношении родины, которое входило в идеал древней культуры. Но языческая философия выставила, во имя этого понятия, требование братства мудрых, причем мудрость заключалась не в одном понимании, но и в жизни. Христианство заменило это братством верующих и лишь в последние века, когда верования перестали играть видную роль в обществе, с Вольтером и Лессингом, распространило свое понятие о братстве более или менее на всех людей, причем большинство верующих все-таки смотрело на нехристиан как на братьев лишь в том отношении, что они могут сделаться верующими христианами. Но этот пункт о братской любви к неверующим был большей частью оставлен в тумане христианскими богословами, проповедовавшими любовь к ближнему как основной принцип христианства...

Приверженец рабочего социализма не может искренне смотреть на христианский идеал как на совпадающий с личным и общественным идеалом рабочего социализма.

Он знает, что в текстах Евангелия, в словах, вложенных в уста Иисуса, можно найти и свидетельства в пользу коммунизма, и свидетельства в пользу полноправного, произвольного распоряжения личною собственностью (см. особенно притчу о работниках в винограднике у Матф., XX, 1--16). Он знает, что на один текст, где можно с натяжкой истолковать "царство божие" как земное блаженство, можно привести десять текстов, где это сделать невозможно.

Он знает, что тексты, цитируемые Вейтлингом и некоторыми другими в революционном смысле, совершенно исчезают пред множеством текстов, толкующих о смирении, терпении, любви к врагам и т. п., и знает, что христиане не участвовали в революционном движении евреев, движении, современном древнейшим произведениям христианской литературы; что весь первый период христианства, до начала IV века, не представляет ни одного примера насильственного сопротивления христиан их гонителям, следовательно, что ни в каких влиятельных христианских общинах первого

времени упомянутые тексты не могли быть истолкованы в смысле революционном. На всех этих основаниях рассуждающий социалист нашего времени не может искренне считать первобытное христианство ни движением решительно коммунистическим, ни движением сколько-нибудь революционным.

Он не может искренне считать аскетический христианский идеал источником нового социалистического идеала, потому что первый заключает учение чисто эгоистического стремления к личному загробному блаженству и отрицание всякой общественной солидарности.

Он не может искренне считать идеал христианской любви источником нового социально-революционного идеала, потому что первый заключает в себе учение смирения и терпения, учение презрения к земным благам, в виду благ небесных, учение, отрицающее всякий насильственный революционный порыв.

Он не может искренне отождествить христианство в его идеальных формах с основами рабочего социализма, потому что христианство во всех господствующих формах проповедует не общее пользование богатствами, но отрицание богатств, не коллективный труд, а созерцательность, не солидарность трудящихся для всеобщего реального развития, а взаимное поучение о презрении всякого реального развития, не демократическое общежитие, а, в одном случае, грубый мистический эгоизм, в другом -- общежитие личностей, равнодушных ко всяким политическим и общественным формам, приготовляющихся не к жизни, а к смерти.

Между разными типами христианского идеала и учением социальной революции, как оказывается, нет ничего общего. Социалист-революционер, в противность мнению Кабэ и Вейтлинга, не может искренне считать себя христианином в каком бы то ни было смысле».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1129496113803951>

АВТОБИОГРАФИЯ. Ч. 1.

«Всей современной цивилизации приходится видеть в позитивизме свое естественное требование... О позитивизме можно сказать: это наше время, схваченное в вопросе. Философия, которая ответит на этот вопрос, будет действительно философией нашего времени»

П.Л. Лавров

Статья П.Л. Лаврова «Биография-Исповедь» писалась в несколько этапов с 1885 по 1889 гг. Ее значительную часть составляет описание Лавровым собственных философских воззрений в таких областях, как онтология, антропология, этика, социология и философия истории. Статья представляет интерес, прежде всего, как попытка философской саморефлексии. Приводим выдержки из раздела под названием «Общее мирозерцание»:

«В своем детстве Лавров оставался постоянно на ступени привычного верования, не вызывавшего размышления, и никогда не проходил через фазис религиозного аффекта. Лет около 15--16 жизнь натолкнула его на размышления о философской задаче свободной воли, ответственности и необходимости, и он выработал в себе самый решительный детерминизм в форме теистического фатализма, который отразился в разных ранних стихотворениях, но всего полнее в позднейшем -- "Предопределение" (кем-то помещено в одном заграничном сборнике). Занимаясь сам со страстью стихотворством, Лавров придавал поэзии в молодости романтически преувеличенное значение в мысли и жизни, в особенности же примирительную роль между религией и наукой (что опять-таки отразилось в некоторых стихотворениях, например в позднейшем, нигде не напечатанном: "Первая глава книги Бытия"), и долго считал теистическое мирозерцание наиболее поэтическим, как форму мысли, даже когда отрекся в своем убеждении от всякого теистического элемента. С аргументами материализма Лавров ознакомился лет 22-х. Лет около 30-ти его мирозерцание в общих чертах установилось, но оно для него самого уяснилось и выработалось в подробностях лишь в процессе литературных работ в конце 50-х годов. С тех пор он не нашел ни нужным, ни возможным изменить его ни в одном существенном пункте...

Для мирозерцания, которому Лавров следует, он предпочитает употреблять название антропологизма. Он видит первое проявление этого направления у Протагора; находит возможным проследить его воззрения у древних скептиков, особенно во второй Академии, когда вырабатывалось понятие о вероятнейшем, впоследствии у новых теоретиков опыта и у сенсуалистов; еще более основательное подготовление находит у Эммануила Канта; в принципиальных положениях философии Людвига Фейербаха признает установление определенных начал антропологизма; затем находит важные исправления и дополнения в этом отношении в трудах неокантианцев, и особенно Альберта Ланге. При этом Лавров допускает, что материализм, позитивизм и эволюционизм, оставаясь односторонними, дали весьма важные частные указания для построения научной философской системы. Системы, заключающие в себе сверхъестественное начало -- спиритуалистический дуализм и идеалистическую метафизику, Лавров считает вносящими в философские построения наиболее патологических элементов. В журнальных статьях, перечисленных отчасти выше, Лавров высказал свое отношение к позитивизму, к философским трудам Спенсера, к пессимизму, к гегелизму и к некоторым другим направлениям идеализма.

Для него философская мысль есть специально мысль объединяющая, теоретически-творческая в смысле объединения, черпающая свой материал из знания,

верования, практических побуждений, но вносящая во все эти элементы требование единства и последовательность.

С точки зрения антропологизма, по мнению Лаврова, невозможно знать так называемые вещи сами в себе, или сущность вещей. Теоретический и практический миры остаются неизвестными по их сущности и представляют для человека совокупность познаваемых явлений с непознаваемой подкладкой. Следует решительно отказаться от познания этой метафизической сущности и ограничиться при философском построении гармоническим объединением мира явлений. Именно надо отыскать точку исхода, не безусловно истинную, но неизбежную для нас по способу организации нашего мышления; надо оценить, выходя из этой точки, наиболее вероятные положения для этого мышления и надо расположить около этих положений всю область мышления о явлениях по степени вероятности их для нас.

Академия общественных наук при ЦК КПСС
Институт научного атеизма

Научно-атеистическая библиотека

П.Л.Лавров
О религии

Москва
«Мысль»
1989

По мнению Лаврова, всякое мышление и действие предполагает, с одной стороны, мир, как он есть, с законом причинности, связывающим явления; с другой стороны, предполагает возможность постановки нами целей и выбора средств по критериям приятнейшего, полезнейшего, должного. Но то и другое существует не само по себе, а для нас, следовательно, предполагает человека в общественном строе, при взаимной проверке и взаимном развитии мнений о мире и о целях деятельности. Следовательно, основную точку исхода философского построения является человек, проверяющий себя теоретически и практически и развивающийся в общежитии. На этой неизбежно догматической для человека почве мышления единственно может работать критика для построения стройной и рациональной системы мира мыслимого и мира практической деятельности.

В таком случае элемент наиболее вероятнейший, совершенно неизбежный для всякого мышления и для всякой деятельности человека есть прежде всего его собственное сознание. Далее одинаково вероятными или одинаково неизбежными предположениями всякого мышления и всякого действия оказываются: 1) реальный мир, однородный тому, что установилось в представлении человека как его собственное тело, реальный мир, в котором все связано с законом необходимости и в котором основанием является субстрат, движущийся и вызывающий представления; 2) постановка личностью целей и выбор ею средств для деятельности в мире, часть которого она составляет. Третьим по степени вероятности, но вполне необходимым для научной философии является положение о возможности для личности, проверяющей себя и развивающейся в общежитии, критически оценивать: 1) степень уменьшения реальности явлений познаваемого им мира по мере отдаления этих явлений от элементарных понятий пространства, времени, движения, движущегося; 2) достоинство целей и средств практической деятельности. Скептическое отношение к последней ступени делает невозможной всякую научную философию. Скептическое отношение ко второй делает невозможной всякую философию вообще. Скептическое отношение к первой делает невозможным всякое мышление, всякую деятельность, да и само по себе невозможно.

Признавая критически вероятность этих трех ступеней построения системы, антропологизм допускает три здоровые области зрелого теоретического мышления: 1) знание; 2) свободное, сознательное творчество искусства; 3) критически объединяющее творчество философское. Он признает зародышной или патологической областью религиозного мышления, не отрицая его важной роли в истории как всякого зародышного фазиса в эволюции зрелых форм.

В научной системе антропологизма человеческое я, проверяющее себя и развивающееся в общежитии, является философским центром одновременно как продукт всего мыслимого (именно продукт механической системы мыслимого мира) и как строитель всего мыслимого в своем стремлении: 1) к мыслимой истине (что дает метод логического мышления, установленные факты точного знания, наконец, систему вероятнейшего мирозерцания); 2) к лучшей жизни личности и общества в их взаимодействии (что дает развитие представлений о наслаждении и развитие индивидуальных идеалов в личности; развитие требования художественного творчества в связи с предыдущим; развитие справедливейших форм общежития; прогрессивную историю).

В понимании природы Лавров, на основании предыдущего, становится по необходимости на материалистическую точку зрения, видоизмененную эволюционизмом. Он считает необходимым для человека различным образом понимать требование открытия законов в науках повторяющихся явлений и в науках эволюции, хотя признает, что это -- различие в точках зрения на явления природы, а не в существенном понимании этих явлений. Он отрицает правильность распространения понятий о жизни, сознании и общежитии за пределы органического мира и распространения понятия об обществе на скопления особей, в которых нельзя признать присутствия сознания. На ступени органических существ он считает, что явление сознания и явление общественной солидарности представляют для организмов могущественные орудия в борьбе за существование и что поэтому человек для успеха в этой борьбе развивает и должен развивать понятие о сознательной солидарности всего человечества, ставить его целью личной и общественной деятельности и целью настоящего процесса истории, вырабатывающего социалистическую солидарность кооперативного труда взаимно развивающих друг друга личностей как выход из конкуренции личностей, борющихся между собою за существование, за барыши, за монополию наслаждений (об этом преимущественно -- "Задачи социализма" в "Вестнике Народной воли"). Лавров особенно подчеркивает при рассмотрении биологического дифференцирования особи и общества различие идеальных типов биологического и социологического организма, из которых первый стремится выработать господство сознания в одном элементе с засыпанием сознания во всех остальных, последний же стремится выработать наибольшее возможное сознание в отдельных элементах и на развитии этого сознания особей основывает идеальную солидарность частей общественного организма между собою и с целым. Впрочем, вопросам, относящимся к естествознанию, Лавров посвящал мало доли в своих трудах, кроме роли вступительных понятий в историю человеческой мысли».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1130248143728748>

АВТОБИОГРАФИЯ. Ч. 2.

«Процесс разложения современного капиталистического строя совершается с неотвратимой необходимостью; он должен рано или поздно доставить торжество социализму и вместе с тем унести те политические формы, которые с ним несовместимы»

П.Л. Лавров

В автобиографии П.Л. Лаврова «Биография-Исповедь» (1885-1889) довольно подробно рассматривается такой важный аспект философии русского мыслителя, как социальное учение и его применимость к России. Лавров прослеживает свою творческую эволюцию и делает выводы о возможности революции в России. Приводим выдержки из работы:

«Социалистический идеал Лаврова уяснялся постепенно. С ранних лет знакомый с утопистами начала нашего века, но не видя почвы, на которой социалистические идеалы могли бы быть осуществимы, Лавров сперва, добыв себе место в литературе, пытался лишь содействовать устранению препятствий ясному сознанию истины и справедливости в личности и препятствий сознанию необходимости солидарности в обществе; он пытался делать это распространением более ясного понимания и более научного мирозерцания. Но с самого начала своей литературной деятельности необходимость политического и социального переворота была для него очевидна, и указания на это можно легко найти в его печатных произведениях, в особенности же в его стихотворениях. Тем не менее он не видел и в это время почвы не только для социального переворота, но даже для политического действия вне медленной подготовки умов...

Довольно долго Лавров допускал возможность гармонии интересов личности господствующего класса и интересов большинства подчиненного класса; допускал это даже для личности, руководящейся только расчетом собственной пользы, а не развитием нравственных убеждений. Это допущение было одною из самых крупных, по его мнению, ошибок, от которых ему пришлось отречься впоследствии, но которая оставила след во многих его произведениях. Появление Интернационала и знакомство с ним убедило Лаврова, во-первых, в существовании реальной почвы для социального переворота, во-вторых, в существовании непримиримой борьбы классовых интересов, над которой может возвыситься развитая личность господствующих классов лишь силою своего нравственного убеждения. Тогда Лавров счел своею обязанностью содействовать социальному перевороту в том виде, как его требовала программа Интернационала. Политическую революцию для России он считал в ту эпоху полезною лишь в тесной связи с переворотом социальным, как революцию, опирающуюся на довольно широкое народное движение. Политический переворот в России, чуждый экономических задач, он считал вредным, как образующий почву для такой же классовой эксплуатации народа, которая имеет место на Западе под формою либеральных учреждений. Тем не менее он ни минуты не допускал отречения от политической оппозиции существующему абсолютизму, полагая необходимым, насколько возможно, при всяком отвоевании у правительства доли силы, действовать в смысле внесения экономического элемента во все политические требования, и это с помощью привлечения возможно большей доли низших классов общества к политической агитации.

Но Лавров ясно сознавал, что ни народ не готов к социальному перевороту, ни интеллигенция не усвоила себе в достаточной мере то социологическое понимание и то

нравственное убеждение, которые одни могут выработать в последних искренних социалистов. Он считал поэтому необходимым подготовку социальной революции в России путем развития научной социологической мысли в интеллигенции и путем пропаганды социалистических идей в народе. Поэтому он с радостью принял на себя обязанность социалистического пропагандизма в России, когда ему предложили редакцию "Вперед". Согласно предыдущему, он поставил задачей своим сторонникам подготовить социальную революцию в России развитием в пропагандистах социализма, знания вообще, знания России в особенности, социалистических привычек в частной жизни и пропаганду социализма в народе, пропаганду, которая, по мнению Лаврова, должна была попутно служить и оружием агитации против правительства. Вопросы централизма и федерализма, тогда столь волновавшие бакунистов и их противников, он считал второстепенными и решение их зависящим от случайной выработки среды и распределения в ней интеллигентных сил. Защитник требования уменьшить в каждую эпоху государственный элемент в обществе до возможного минимума и надеясь, что при полном господстве социалистического строя этот минимум близко подойдет к нулю, Лавров никогда не был сторонником анархизма в настоящем, тем более в организации революционной партии...

Не имея возможности, по долгому отсутствию своему из России, опровергать все упорнее повторяемые уверения личностей революционных групп, что пропаганда в народе в России сделалась невозможна, а потому и подготовка пропагандистов бесцельно, что необходима "пропаганда фактом", возбуждение революционного духа примером, решительные удары, нанесенные правительству, Лавров оставался при личном мнении, что при искусстве и решимости пропаганда была бы возможна, хотя должна бы пойти медленнее и требовать немало жертв. Он считал ее необходимою во всяком случае, рядом со всеми другими приемами агитации против правительства и прямого действия против него, так как не мог себе представить, чтобы какой-либо политический переворот, выгодный для большинства и, следовательно, имеющий в виду экономические задачи, мог иметь место без поддержки его народным движением, которое предполагает всегда предварительную пропаганду. В рефератах, которые он читал в Париже в 1877-82 годах, он много раз возвращался к указанию тех опасностей, которые представляют для успеха революционной партии в России анархические начала и террористические приемы. Он с радостью видел, что в самой России анархические начала мало-помалу исчезают, но не мог не заметить и того, что рядом с ослаблением анархизма в России все группы, кроме так называемых террористов, теряют значение в движении и успех революционного дела в России все более отождествляется с успехом этих "террористов".

Поэтому он решительно отверг предложение стать во главе заграничного издания, объявлявшего войну этой партии, и считал войну против "Народной воли" прямо вредною для дела в России, если история русского революционного движения выдвинула на первое место эту партию, поставившую себе непосредственную задачу потрясение самодержавия, а потом и его разрушение. Тем не менее Лавров тогда только вступил в союз с этой партией, когда убедился, что она остается социалистическою, признает важность социалистической пропаганды и направляет преимущественно свои удары

против русского правительства лишь как против главного препятствия распространению социалистических идей в России...

Как только в России образуется организованная партия, искренне социалистическая, умеющая отстаивать себя в общественной борьбе, умеющая привлекать к себе живые силы и организовать их для энергического действия, то Лавров считает, что, согласно с его нравственными и социалистическими убеждениями, он, как всякий убежденный социалист, обязан, даже не вполне соглашаясь со всеми пунктами программы партии, в союз с которой он вступает, и не вполне одобряя все ее действия, поддерживать всеми средствами ту действительную социально-революционную силу, которая сумеет на нашей родине более или менее успешно бороться за социалистические идеалы против препятствий, противопоставленных этим идеалам средою. В эпоху же, когда в России не существует подобной организованной общественной силы с социально-революционным направлением, личная пропаганда социалистических идей не во имя какой-либо существующей партии, но прямо во имя самих этих идей остается для него, как и для всех убежденных социалистов, по его мнению, обязательной, несмотря ни на какие неудачи, препятствия и замедления движения.

Процесс разложения современного капиталистического строя совершается с неотвратимой необходимостью; он должен рано или поздно доставить торжество социализму и вместе с тем унести те политические формы, которые с ним несовместимы. В этом случае практические задачи русского социалиста отождествляются с задачами социалиста-революционера всех стран. Русский социалист должен работать для торжества социализма, распространять его принципы в умах окружающих личностей, осуществлять их по мере возможности примером своей жизни. Он должен устранять, насколько может, и препятствия успехам социализма. Одно из таковых составляют политические формы, поддерживающие капитализм или составляющие (как самодержавие) переживания еще более архаического слоя цивилизации. Насколько можно, подобные формы надо стремиться устранить немедленно, не выжидая организации в стране рабочей партии, составляющей необходимое условие рационального социального переворота. Но при этом, рядом с этим, необходимо стремиться к осуществлению этого необходимого условия».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1131177120302517>

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛАВРОВЕ

«При всем своем давнишнем атеизме и философском материализме, Лавров был, бесспорно, натурой психологически-религиозной»

Д.Н. Овсяннико-Куликовский

Представляют интерес воспоминания современников о П.Л. Лаврове. Довольно подробные мемуары оставил Д.Н. Овсяннико-Куликовский. Приводим выдержки из его «Воспоминаний»:

«Ученый и мыслитель, теоретик по складу ума, эрудит, влюбленный в книгу, он, однако, не мог обойтись без иллюзии "партийной деятельности", без связей с кругами лиц, ведущих "борьбу за идеал". Он живо ощущал потребность быть в курсе перипетий этой борьбы, сочетать теорию с практикой, служить одновременно "правде-истине" и "правде-справедливости", причем служение этой последней только словом, пером казалось ему недостаточным, - он стремился служить ей делом. И не смущался тем, что это "дело" выходит каким-то "ненастоящим", призрачным, являясь только психологическим суррогатом дела. Этот суррогат был нужен ему - "для души". Он был нужен ему вдвойне: с одной стороны - как противоядие тягостному чувству одиночества, а с другой -- как постулат присущей ему "психологической религиозности".

То и другое одинаково важно для понимания сложной природы Лаврова: здесь ключ к тайникам его психологии.

Есть люди, которым "социальное одиночество" не тягостно. Таких людей нельзя назвать вполне нормальными: уклон от нормы, ибо человек прежде всего существо социальное. Лавров был натура нормальная и здравая, и потому, при всем своеобразии его личности, крайности индивидуализма, приводящие к аполитизму и к социальному одиночеству, были чужды ему. Вне живых связей с общественной средой он чувствовал бы себя слишком одиноким со всеми своими книгами. И чем больше разрасталась бы библиотека, заполняя всю квартиру, тем ужаснее казался бы ему призрак одиночества в этой книжной могиле. Один! Отрешен от жизни, забыт, замурован... Он не принадлежал к числу тех несчастных или тех счастливых, социальное чувство которых, наполовину атрофированное, вполне удовлетворяется одним сознанием, что они находятся среди людей, проживают в обществе - как в гостинице. Для Лаврова круг близких друзей, единомышленников, соратников был существенно необходим. Этого настойчиво требовали его живые социальные инстинкты. И когда эта потребность так или иначе удовлетворялась, тогда его жизнь с книгами уже не омрачалась призраком одиночества. Как отрадно углубиться в книгу, в умственную работу, если знаешь, что вот придут близкие, симпатичные люди и поведают секреты очередного революционного предприятия, попросят совета, содействия! В противоположность большинству "кабинетных ученых", которые не выносят помехи и перерыва в работе, Петр Лаврович за письменным столом и среди своих книг не "священнодействовал" и не обнаруживал неудовольствия или досады, когда, например, заставляли его оторваться от занятий и ехать на "конке" (электрических трамваев тогда еще не было в Париже) на противоположный конец города для свидания с таким-то, для хлопот о таком-то. С каким наслаждением примется он за прерванную работу, исполнив "партийный долг", послужив "делу"! Живые связи, живая деятельность...

Наряду с потребностью живых социальных связей и со страхом одиночества действовала и пружина психологической религиозности. При всем своем давнишнем атеизме и философском материализме, Лавров был, бесспорно, натурой психологически-религиозной. Особенностью таких натур служит то, что у них с потерей веры в бога и в церковь отнюдь не исчезает порядок религиозных чувств, которые только переносятся на другой объект: на идеал, на политические убеждения, на философскую идею, моральную догму и т. д. Этот новый объект является для них не только, как для других людей, просто предметом размышления, изучения, умственного интереса и т. д., но и предметом веры, надежды и любви и образует род заветной святыни. И вместе с тем в их отношениях к этой святыне так или иначе проявляются догматические приемы мышления. Убеждение, взгляд, вывод психологически сбиваются на догму.

В огромном уме Лаврова вообще склонность к догматизму была выражена довольно ясно: как философ, он был превосходный догматик и систематик. Законченность, последовательность, закругленность системы были сильнейшею стороною его мышления. Между таким укладом философской мысли и типом мышления религиозного в тесном смысле есть несомненное психологическое родство. Ибо религиозное чувство, при всей своей иррациональности, проявляется у верующих в области мысли "положительным религиозным знанием", которое и есть то, что принято называть "верою". Религиозно-верующий знает своего бога, знает его заповеди, знает догматы вероучения, - и все это образует замкнутую и завершенную систему понятий, безраздельно господствующую над мыслью, чувством и совестью человека. Если эту систему изложить, то непременно придется поставить в конце точку, а не другой знак препинания...

Приблизительно так и было у П. Л. Лаврова. Социалистический идеал был для него не просто социально-политической идеей, ценность которой весьма условна и зависит от ее осуществимости и пригодности для дальнейшего прогресса человечества. Эта была как бы святыня, ценная сама по себе, в самой себе заключающая свое оправдание.

Огромный талант философской систематизации дал возможность Лаврову превратить ее в законченную, стройную доктрину не хуже любого вероучения. Но любопытно отметить, что к этой доктрине он относился вовсе не доктринерски. Его отношение к ней было совсем другое и двоякое: психологически-религиозное и философское. Не будучи доктринером по складу ума, Лавров не был и фанатиком. Для фанатизма мысли он был слишком мудр и гуманен и слишком перегружен ученостью. Строгая последовательность, принципиальность, моральная строгость совмещалась у него с разумной терпимостью и прирожденным добродушием. От него так и веяло благожелательностью, приветливостью, сочувствием.

С духовным обликом этого необыкновенного человека у меня связалось представление об истинном мудреце не от мира сего, снисходительно, "по человечеству", приемлющем "сей мир", - мудреце со всеми преимуществами и всеми слабостями человеческой мудрости. Широта воззрения, глубина мысли, творчество в идеологии умилительно совмещались в большой и доброй душе Лаврова с наивностью в политике, с детской беспомощностью в жизни. Если бы покойный Г. А. Лопатин удосужился рассказать в печати, со всеми подробностями, как он похитил Лаврова и препроводил его из русской ссылки в столицу Франции вместе с его огромной библиотекой, читатель получил бы наглядное представление о Лаврове как ярком представителе наивно-мудрого типа: Но с особой яркостью сказались черты этого типа в тех суррогатах, какими Лавров старался удовлетворить запросам своей психологической религиозности. Для него понятие партии сбивалось на понятие секты, и партийный деятель, революционер, превращался в проповедника, в "евангелиста", в "великомученика"...

П. Л. Лаврову было психологически невозможно обойтись без тесного круга единомышленников, соратников по социализму. Ему необходимо было принадлежать к действующей партийной группе. Пока такая группа в самом деле состояла из людей высокого строя души, из лучших людей времени, Петр Лаврович мог действительно чувствовать себя в партии приблизительно так, как верующий чувствует себя в кругу единоверцев, в своей "церкви". Но как для меня, так и для многих оставалось загадкой, как мог Петр Лаврович дорожить своим положением в партии после того, как умственный и культурный уровень окружавших его лиц настолько понизился, что, казалось бы, Петру Лавровичу в такой группе отнюдь не пристало играть роль "вождя". Но он продолжал играть эту роль и поневоле мирился с невысоким уровнем "личного состава" группы за неимением лучшего. Разгадки нужно искать в одном - в психологической невозможности для Лаврова остаться без группы "верующих", служить своему "богу" в одиночку, вне "церкви", какая есть. Таким образом, внушения психологической религиозности приводили к тому же, к чему побуждала Лаврова боязнь одиночества. Роль независимого, внепартийного мыслителя, которая так подошла бы ему, была для него - по этим двум основаниям - психологически неприемлемой».

В фейсбуке:

<https://web.facebook.com/photo.php?fbid=1132158660204363>